

**Зейтулла
Джаббаров**

Ширван: свет и тени

СУПЕР-ИЗДАТЕЛЬСТВО

Зейтулла Джаббаров
Ширван: свет и тени

«СУПЕР Издательство»

2019

Джаббаров З. А.

Ширван: свет и тени / З. А. Джаббаров — «СУПЕР
Издательство», 2019

ISBN 978-5-9965-0335-3

Книга «Ширван: свет и тени» не плод творческой фантазии писателя и публициста, а скорее всего, путешествие в прошлое, правдивое, реальное повествование автора, жившего на перекрестке двух эпох с разными социально-экономическими формациями и укладами жизни. Молодое поколение Ширванцев, жившее при социализме, после распада СССР стало привыкать к экономике, основанной на рыночных отношениях, иными словами, жить по правилам и принципам либеральных ценностей. Структура романа своеобразна: здесь события перекликаются с концом 18 века, затрагивают 19 век, революционные события начала следующего и весь XX век. Город Ширван начали строить в начале 60-х годов. Автор – свидетель созидательного курса Гейдара Алиева, а также в годы правления народного фронта был в тандеме с «Мусават». После возвращения общенационального лидера город продолжил созидательный курс и развитие, усилились тенденции рыночной экономики и социальной политики. Ширван сегодня крупнейший центр нефтяной, газовой, энергетической и оборонной промышленности в республике, в поселке Гаджигахраманлы получил развитие аграрный сектор.

ISBN 978-5-9965-0335-3

© Джаббаров З. А., 2019
© СУПЕР Издательство, 2019

Содержание

Сказание о светлом городе	6
Пролог	8
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Зейтулла Джаббаров

Ширван: свет и тени

Сказание о светлом городе

Писать о городе, где ты провел значительную часть своей жизни, непросто. Здесь и детские, юношеские воспоминания, и жизнь в зрелом возрасте, через которые прошли такие интересные события, что обо всех не расскажешь. На это не хватило бы ни сил, ни времени. Одно можно сказать – город строился, расширялся, на смену старому поколению пришло новое, а в новом веке его сменили граждане независимого Азербайджана. Такая вот связь времен, казалось бы, видимого и невидимого исторического процесса, который не поддается человеческому разуму. Нынешнее поколение молодых людей видит этот город таким, каким его построило поколение прошлого столетия. Одно, пожалуй, остается неизменным, это 45 параллель, на которой вырос этот прекрасный и цветущий город с высотными домами, развитой городской инфраструктурой, детскими садами, школами, домами культуры, библиотеками, садами и парками отдыха, она остается своего рода памятником созидательной истории Ширванцев. Спросите у любого городского жителя, что собой представляет 45 параллель, и далеко не каждый сможет ответить. Он своими глазами видит город, живое воплощение творческой и физической энергии людей прошлых поколений, а не 45 параллель как географическое место на земном шаре.

«Ширван: свет и тени» это художественное, литературное и публицистическое произведение, содержащее в себе элементы свободного творческого вымысла, связанного, прежде всего, с героями романа и семейными династиями этого города. Автору удалось показать панораму исторических событий прошлых столетий, происходивших в начале 18 века, а позже – как Азербайджан оказался в составе Российской империи. Все это помогает читателю увидеть и осознать происходившие исторические процессы в едином ключе, в сюжетной канве романа. Роман не претендует на соблюдение классических структур литературоведения: завязка, кульминация, развязка. Писатель, освободившись от этих вековых оков структуры художественных произведений, отдал предпочтение свободному полету мысли и изложению жизненного материала о становлении и развитии родного и любимого города. На вопросы, возникающие у читателя по ходу чтения произведения, автор дает исторические справки. К примеру, как и откуда на Мугани появились селения с русскими названиями, почему город Ширван люди считают интернациональным городом? Такое переплетение человеческих судеб с древней историей Азербайджана обогащает роман, раздвигает его рамки до эпического произведения.

Структура романа и форма подачи текста об истории этого города несколько отходит от традиционных и устоявшихся канонов литературных произведений. Автор старался показать связь времен прошлого и настоящего, как с годами менялась жизнь людей на Ширванской равнине, которую они обживали, создав уникальный город на Куре. Писатель рассказывает о жизни представителей известных семейных династий, аборигенов этого городка, об их вкладе в развитие Ширвана, а также о человеческих судьбах, любви, отношениях и жизненных ценностях.

Отдельная глава посвящена русским, с которыми автор дружил и запомнил каждого из них, интернациональным семьям, которые появились в городе после строительства тепловой электростанции. Используя литературные приемы и средства публицистики, автору удалось создать эпохальное литературное произведение, пусть и небольшое по объему.

Основная сюжетная канва, связанная с развитием города на Куре, тесно переплетается и пролегает через все эпохи жизни Азербайджана. На этом фоне можно проследить исторический процесс становления и развития этого промышленного центра страны, рост интеллектуального и образовательного уровня населения, творческой элиты.

В этом мире ничто не исчезает, с каждым новым поколением создаются новые тенденции творческого развития в литературе, искусстве, театре, промышленной и культурной сферах.

Люди помнят своих кумиров на сцене и в спорте, выступающих своего рода вечными двигателями поступательного движения вперед, к более совершенным формам общественного развития.

Людей объединяет не только город, в котором они живут и развиваются, их по большому счету объединяет связь времен, и эта преемственность служит надежным фундаментом для строительства будущего этого величественного, светлого города.

Из небольшого населенного пункта на Ширване город превратился в промышленно развитый центр страны и ныне составляет своего рода индустриальную мощь нашей независимой республики.

Заглядывая в начало истории города, я вижу образ простого деревенского жителя из села Агаджанлы Гаджикабульского района, который занимался изготовлением саманных кирпичей для строительства жилых домов. Это был конец 50-х годов, совпавший с началом разработки богатых нефтяных и газовых месторождений, со строительством тепловой электростанции открытого типа, первой по мощности в Европе. С развитием индустриального города потянулись сюда и сельские жители из Нагорного Карабаха, в основном армяне, а также из южных регионов: из Лерика, Ярдымлы, Джалилабада, Билясувара, Сальяна и Нефтечала. Город застраивался, и люди отдавали предпочтение жилью из саманных кирпичей, потому что в этом регионе такие дома строились быстро и обходились дешевле, главное, чтобы была крыша над головой. Кирпичник по имени Кяльбяляр не успевал с работой, на него навалилось столько заказов, что он едва справлялся, но свою работу выполнял добросовестно и качественно.

В начале 60-х годов начали строить Новый город, в котором выросли два поселка – нефтяников и энергетиков. С годами все дальше в степь уходили жилые дома Нового города, подрастало новое поколение Ширванцев. Многих уже нет в городе, одни переехали в Россию, Украину, другие – в более далекие страны и на другие континенты. И ныне они в Одноклассниках спрашивают у местных жителей, где улица, где дом, связанные с их далеким детством. Можно понять их чистые и добрые чувства. Ширван город их детства и юности, и только из-за сложных обстоятельств они были вынуждены покинуть родной город. Вы скажете, что сегодня у них ностальгия по родине. По-другому и не назовешь. Знакомое чувство для многих миллионов людей, они вынуждены вести кочевой образ жизни. Сегодня здесь, а завтра в другом городе. Как говорится, хорошо там, где нас нет.

И где бы они ни были, все они мысленно возвращаются в родной Ширван – город далекого детства и юности. Он им настолько близок, что они мечтают и надеются снова приехать в этот город, чтобы вдохнуть воздух далеких и для них счастливых времен, где они любили и им отвечали взаимностью, где они мечтали и мечты сбывались.

Как-то я встретил друга моего детства Василия Влейского, который учился со мной в одном классе и виртуозно играл на баяне и аккордеоне. Василий жил все там же, в Поселке космонавтов и никуда не уезжал. Раньше этот населенный пункт называли Поселком мелиораторов. Но первый секретарь Билал Мусаевич Керимов установил в парке культуры и отдыха памятник истребителю, на котором летали курсанты Гаджикабульского авиаотряда и в честь этого события дал этому месту новое название – Поселок космонавтов. Возможно, он думал, что кто-то из этого авиаотряда может стать космонавтом. А коммунисты того времени любили помечтать, как и кремлевский мечтатель, основатель советского государства. Василий пригласил меня на обед и, когда на стол поставили закуску, он мне с гордостью сказал: «Знаешь, кто родился на Куре и не знает вкуса хашама, тот никогда на Куре не был». И это была истина, которую невозможно придумать, такое может сказать только местный житель, прошедший свою жизнь на берегу Куры.

Автор

Пролог

*Меняем реки, страны, города.
Иные двери. Новые года.
Но никуда нам от себя не деться,
а если деться – только в никуда.*

Омар Хайям

На оживленном проспекте имени Гейдара Алиева проходило мероприятие, посвященное 50-летию юбилею города Ширван. Вся площадь была празднично оформлена, радовали разноцветные шары, ленточные украшения, а у подножия памятника общенациональному лидеру Гейдару Алиеву уже были сложены и привлекали внимание венки и букеты живых цветов. На торжественное мероприятие прибыли гости из столицы, в их числе ответственные работники администрации президента Азербайджана, члены Милли меджлиса, известные писатели, поэты, ученые. На площади находились представители трудовых коллективов промышленных предприятий города, учащиеся средних школ, средних учебных заведений. Звучали песни о Ширване, придававшие особую торжественность юбилею города, обретшего статус города республиканского подчинения. Среди гостей, приглашенных на юбилей, находился старый нефтяник по имени Селим, который отдал больше половины своей жизни этому городу. Он всегда любил носить длинные волосы, которые уже выцвели и побелели. И всем своим видом он очень напоминал Деде Горгуда, памятник которому он поставил на этом проспекте своими руками.

Воспоминания далекой молодости наполнили его душу. Не каждый город строится просто так, для этого, как правило, разрабатывается генеральный план застройки жилья, создается городская инфраструктура, строятся объекты социального и культурного обеспечения.

Сегодня город Ширван отмечает юбилей. Пять десятилетий он остается лучшим в сфере социально-экономического развития.

На торжества в гости к местным жителям приехали музыканты, политики и депутаты. Сначала почетными званиями Азербайджанской Республики наградили педагогов, врачей, артистов, журналистов и спортсменов. Затем на установленных площадках прошли гулянья и развлекательные программы.

«Мы совместно добились больших результатов. Но особую благодарность хочу выразить нашему президенту Ильхаму Алиеву. За последние 10 лет он пять раз посетил наш город. Именно по его инициативе мы смогли возродить новый город, построить высотные дома, дороги, предприятия, объекты социальной значимости», – с особым пафосом говорил глава исполнительной власти города Ширван Мардан Джамалов.

Он также не забыл упомянуть, что в развитии военной промышленности республики город занимает второе место после Баку.

«Впереди только столица. А это, поверьте, очень большое достижение», – подчеркнул М. Джамалов.

Селим прошелся по длинному и широкому проспекту имени Гейдара Алиева. Многие, что находилось на проспекте, было построено по его чертежам и рекомендациям. Среди них «45-я параллель». Сооружение – своего рода памятник географическим понятиям. Дело в том, что город Ширван лежит под 45-м градусом северной широты. Это означает, что северный полюс и экватор отстоят от Ширвана почти одинаково, примерно на 5 тысяч километров. В градусном выражении расстояние от 45-й параллели до полюса и экватора действительно одинаково, но по длине оно несколько отличается.

45-я параллель отстоит от северного полюса на 5017 километров, а от экватора на 4985 километров, следовательно, как сама 45-я параллель, так и Ширван на 32 километра ближе к экватору, чем к полюсу. Это связано с тем, что Земля сплюснута у полюсов. Мне как автору многих журналистских заметок довелось беседовать с кандидатом геолого-минералогических наук Рашидом Гасановым, который подробно рассказал следующее:

– На нашей планете каждая параллель по-своему необычна и непременно чем-то знаменательна. Вот, например, 45-я, проходящая через Али-Байрамлы, для горожан, кроме сугубо географической функции, имеет и немалую нравственно-духовную ценность. Внимательно посмотрите на глобус и вы заметите, что 45-я широта пересекает США, Атлантический океан, Испанию, Португалию, Средиземное море, остров Сардинию, пролегает через южную часть Италии, столицу Турции Анкару. В СССР находится на этой параллели, скажем, Ереван, а в нашей республике – Агдам и Сабирабад. Если вы хотите и дальше продолжить путешествие по 45-й параллели, то сумеете «посетить» столицу КНР Пекин, города Кореи и Японии.

Но вернемся в Ширван. Примечательно, что в городе, там, где проходит эта параллель, намечено построить здание историко-краеведческого музея. Это будет не только хранилище, свидетельствующее о древней культуре Азербайджана, но и место, где станут демонстрироваться экспонаты, полученные из государств, через которые проходит 45-я параллель – параллель дружбы и братства. Что я могу сказать, должно быть, кто-то из людей, создававших этот монумент, не знал того, что мне говорил Рашид Гасанов, или же более точные данные были найдены в институте географии НАН Азербайджана. Я не поленился и установил истину в данном вопросе. На мой запрос из института ответили, что город Ширван действительно находится на 45-й параллели. Для меня как журналиста и писателя это было очень важно, потому что события моего романа должны были соответствовать точным данным истории и географии. Во время поисков я узнал, что Ставрополь тоже находится на 45-й параллели. Довольно часто одной из фишек Ставрополя называют тот факт, что географически через город проходит 45-я параллель. А что это значит, толком объяснить могут не все. Например, знаете ли вы, что Ставрополь ближе к экватору, нежели к северному полюсу?

Вот что пишет Виктор Гниловской в восхитительной, познавательной книге «Занимательное краеведение» 1974 года издания: «Город Ставрополь лежит под 45-м градусом север-

ной широты. Это означает, что северный полюс и экватор отстоят от Ставрополя одинаково, на 5 тысяч километров. В градусном выражении расстояния от 45-й параллели до полюса и экватора действительно одинаковы, но по длине они несколько отличаются.

45-я параллель отстоит от северного полюса на 5017 километров, а от экватора на 4985 километров, следовательно, как сама 45-я параллель, так и Ставрополь на 32 километра ближе к экватору, чем к полюсу. Это связано с тем, что Земля сплюснута у полюсов.

Как известно, в Ставрополе есть улица 45-я Параллель, и недавно здесь даже поставили аляповатый временный памятный знак в виде зеленого глобуса. В планах – новый знак да еще и красивая аллея к нему в придачу. Но это в планах. Сегодня никакой кипучей строительной деятельности в этом районе я не заметил.

Так вот, пока что горожане скорее поминают 45-ю параллель в негативном контексте. Все потому, что за последние 15 лет улицу 45-я Параллель на самом оживленном участке от 50 лет ВЛКСМ до Доваторцев бездумно застроили никчемными торговыми центриками, из-за чего здесь перманентная автомобильная пробка. Эх, а мог бы быть уже давно шикарный, широкий проспект с прогулочной зоной и солидным памятником примечательным географическим координатам».

Выше я подробно рассказал о 45-й параллели, на которой построили первый городок для перебравшихся из Шемахи, где произошло крупное землетрясение, и местные жители, занимавшиеся скотоводством, в поисках надежного убежища переселись на Ширванскую равнину, по которой протекала рукотворная река Кура.

Среди приглашенных не было журналиста республиканской газеты, внесшего немалый вклад не только в развитие этого города, но и в освещение национально-освободительного движения и утверждения идеалов АДР. Его родители, проживавшие в Крыму, оккупированном немецкими вооруженными силами, встречались с Мамед-Эмином Расулзаде, который был гостем в их скромном жилище. Отец журналиста был солдатом АДР и сражался на Биляварском фронте, где они одержали победу. Журналист, писавший о национально-освободительном движении, интересовался древней историей городка. И поэтому свое исследование он начал с истории возникновения городских кладбищ. Старое кладбище находилось в низине Ширванской равнины, в поселке Чылпаглы, неподалеку от Куры. Он здесь бывал и раньше и видел много надгробий, по камню даже можно было определить время захоронения. Как-то он встретил своего друга, кандидата геолого-минералогических наук Рашида Гасанова.

– В Ширванской впадине на левом берегу Куры, – рассказывал он Зауру, – я принял участие в археологической экспедиции, проводимой под патронажем Академии наук Азербайджанской Республики, мы обнаружили некрополи, относящиеся к древнему периоду. Надгробные камни большой величины и высокие с острым концом. При вскрытии одной из могил обнаружили кости воина атлетического телосложения с большими челюстями. Видимо, этот скелет принадлежал любителю шашлыков, – с улыбкой произнес Рашид муаллим.

Заур собирался продолжить свои исследования этого древнего некрополя, как вдруг получил информацию от бывшего знакомого о сносе некрополя и отводе этого участка под застройку жилья. Он лично ходил на территорию древнего некрополя и убедился в том, что здесь начали строить жилые дома. В итоге в газете появилась заметка «Дома на костях». Снос древнего некрополя не вызвал особого ажиотажа в городе. Новое кладбище появилось задолго до разработок нефтяных и газовых месторождений, где хоронили христиан и мусульман отдельно. При этом аборигенов отдельно в отведенной части кладбища, а пришлых в нагорной части. Таково было решение аксакалов. Разница между людьми всегда присутствовала на белом свете и в загробном мире.

Заур обратился к научным источникам, чтобы прояснить историю этого края. Но и в найденных публикациях не было достоверных данных о поселении арабского племени Арабшахвердиди после землетрясения в Шемахе на Ширванской равнине.

До революции городок на Куре называли Зубовкой. Само название связано с русским генералом Зубовым, совершившим поход в Закавказье, где шли ожесточенные схватки с иранским шахом Каджаром. Среди рассказчиков был и Герой Советского Союза Ширин Шукюров. Этот скромный человек не любил рассказывать молодежи о героических подвигах на войне, говорил просто, любил повторять заученную фразу: «На войне как на войне, ты стреляешь, и в тебя стреляют, главное, опередить врага и всадить ему пулю». Он слыл метким стрелком, и благодаря его пулемету «Максим» немцам не удавалось пробиться вперед. Всю войну он прошел со своим неразлучным другом сазом, в минуты отдыха он пел азербайджанские песни и особенно карабахскую шикастя. А после Победы вернулся на Ширван, от предложенных должностей отказался, занимал скромную должность оператора заправочной станции, которая находилась в двух шагах от предприятия «Автоколонна 27/10».

– Город возник в XIX веке как русский населенный пункт Зубовка, названный в честь генерала Зубова, который во время похода в Закавказье расположился лагерем на правом и левом берегу Куры, – рассказывал мне Ширин Шукюров.

И эту историю ему рассказывали его дед и отец. Мне было интересно, что об этом рассказывают русские источники. Поэтому я заглянул в историю последнего похода Петра Великого.

Город Али-Байрамлы, а также связанное с ним прошлое, являются доблестной страницей нашей истории. До средних веков II и III тысячелетия до н. э. эта территория объединяла все части Азербайджана, и через нее проходили самые древние караваны. Развалины находящегося вблизи участка караван-сарая и жилых помещений уцелели до нашего времени и являются доказательством всего вышесказанного.

В различные периоды эта территория находилась под властью Ширваншахов, Ширванского беглярбекства, Шемахинского ханства, отчасти Джавадского ханства, Шемахинского и Джавадского ига.

Для объединения маленьких азербайджанских феодальных государств, для создания сильного азербайджанского государства впервые Шах Исмаил Хатаи во второй половине 1500 года, двигаясь по проходящей сегодня по территории Али-Байрамлы караванной дороге, провел зиму в Махмудабаде. Для выявления нечетких страниц истории на сегодняшний день в этом направлении проводятся широкие археологические исследования. Следы первых нападений царской империи с целью оккупации Азербайджана все еще остались на данной территории. В апреле 1796 года для осуществления оккупационной миссии Екатерины II генерал В. Зубов нападает на Азербайджан с 30-тысячным войском и Каспийским флотом. Он захватывает Баку, Сальяны и Дербент. На левом берегу реки Куры он строит лагерь. На территории, близкой к сегодняшнему Али-Байрамлы, имевшему важную стратегическую позицию, была предпринята попытка создания города в честь Екатерины II. Но смерть царицы, отзыв войска Павлом I нарушили планы Зубова. Последним поселением этого периода на нынешней территории города Али-Байрамлы в XX веке является село Арабшахвердили. Это поселение впоследствии было названо в честь генерала-оккупанта Зубовка.

В 1902 году на реке Кура стала работать оросительная станция. В 1911 году началось строительство железной дороги Баку – Джульфа, а в 1917 году над Курой был построен деревянный мост.

Во время атаки армянских дашнаков в 1918 году деревянный мост был сожжен, но в 1924–1927 годах он был заменен металлическим сводчатым мостом. Функционирующая железнодорожная станция в Зубовке была переименована в станцию Папанино. В 1916 году на Муганском берегу Куры был заложен фундамент под строительство хлопкоочистительного завода, в 1925 году строительство было завершено, что очень расширило Зубовку. В 1920 году начала свою деятельность первая начальная школа. В 1930 году в Зубовке во время правления Сальян было увеличено количество населения и были проведены небольшие работы по благоустройству.

Сальяны, объединив совет 12 сел и 2 поселков, 30 августа 1930 года образовали район Али-Байрамлы. Центр района находился в поселке Зубовка. В 1938 году центр района, поселок Зубовка, сменил свое название и стал называться Али-Байрамлы. В 1941 году была проведена железная дорога Али-Байрамлы – Газимамед.

В результате удачных геологических работ, начатых во второй половине XX века, 18 июня 1955 года в местечке Кюровдаг месторождения Ширван забил нефтяной фонтан второй нефтяной скважины. На геологической карте Азербайджана было особо отмечено месторождение «Ширван». В 1959 году был заложен фундамент первой в Европе Али-Байрамлинской государственной районной электрической станции открытого типа, первый блок был полностью готов к использованию в 1962 году. В 1961 году на автомобильной дороге Али-Байрамлы – Сабирабад над Курой был построен мост. 4 января 1964 года район Али-Байрамлы был ликвидирован, и около 100 сел, относящихся к нему, передали Сальянам, Сабирабаду и Шемахе, а Али-Байрамлы получил статус города республиканского подчинения. И это все о городе моего далекого детства. Не прибавить, ни убавить. Однако заглянем в седую глубь истории России времен Петра Великого.

Как сообщали историки-исследователи, поход Петра I на юг готовился основательно, дипломаты составили подробное описание берегов Каспийского моря. Главными базами для похода стали Астрахань, Царицын, Казань и Нижний Новгород. Под Казанью построили свыше 200 транспортных судов и почти 60 военных кораблей. Этой армадой управляли 6 тысяч моряков. Из ветеранов войны со шведами собрали войско численностью 22 тысячи пехоты и 9 тысяч регулярной кавалерии. 2 июня армада, разделенная на пять отрядов, отплыла из Нижнего Новгорода вниз по Волге к Астрахани, откуда должен был начаться поход.

Флотилией командовал генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин, ветеран Азовских походов и участник войны со шведами. Именно под его началом был разгромлен вражеский флот в сражении у мыса Гангут, что стало первой победой в истории новорожденного русского флота. Вместе с Апраксиным плыл и сам Петр. 29 июля 1722 года флот из 274 судов с десантом в 22 тысячи человек вышли из Астрахани в Каспийское море. Авангардом командовал «адмирал Петр Михайлович», где под этим именем в походе участвовал Петр Великий.

В начале сентября русским без боя подчинился древний город Дербент, важнейший стратегический пункт на каспийском побережье Кавказа. В Карабахе против персидского шаха восстали союзные России армяне, которых возглавил католикос Исая. На помощь восставшим двинулись отряды грузинского царя Вахтанга VI, просившего русского императора принять Грузию в состав России. Из-за сильного осеннего шторма на Каспии утонула часть судов с припасами. В конце года русский десант высадился на южном берегу Каспия, заняв крупный торговый порт Решт, а в 1723 году России полностью подчинилась персидская провинция Ширван, занимавшая территорию современного Азербайджана с городом Баку. Это был последний поход с участием царя, положивший начало процессу присоединения к России берегов Каспия, Дагестана и Закавказья.

Согласно источникам Российская империя воевала с иранским шахом Мухаммадом Каджаром, старавшимся объединить азербайджанских ханов и выступить против России. Но это у него не получилось, владельцы крупных областей не хотели жить под гнетом иранского шаха и стремились объединиться с Россией и положить конец кровопролитным междоусобным войнам. На исходе 1796 года русские войска, овладевшие Дербентом, двинулись дальше, углубившись в пределы Азербайджана. На пути они встретили сопротивление Гянджинского правителя Джавад-хана, погибшего с сыновьями в неравном сражении против русских. По данным историков, Джавад-хан имел родственные связи с династией Каджаров, боровшихся за независимость Азербайджана.

Генерал Зубов двинул свои войска, углубившись в пределы Ширвана и Мугана, где климат был относительно мягким, что позволяло его армии провести зимовку в степях этих рав-

нин на берегу Куры. Его выбор пал на безлюдное местечко на правом и левом берегу Куры. Его кавалерия расположилась лагерем на Мугани, имевшей обильные пастбища, на которых паслись огромные табуны боевых лошадей, а также крупный и мелкий рогатый скот военных. На другом Ширванском берегу генерал построил водокачку для обеспечения питьевой водой военных и лошадей. И на Ширване, и на Мугани появились первые русские селения: Владимировка, Александровка, Херсоновка, Карачала. Место, где построили водокачку, местные жители называли водремом.

В советское время, после революции, у самой излучины Куры построили Куринский продольный водопровод, сокращенно «КВ», для обеспечения паровозов водой. Здесь и вырос небольшой поселок, состоявший из нескольких двухэтажных домов, в которых жили русские и азербайджанские семьи. К предприятию была проложена железная дорога, по которой к нему доставлялись химреагенты для переработки куринской воды. Объект был закрытым, и к нему имели доступ только технические работники и сотрудники предприятия.

Как известно, после сильного землетрясения в Шемахе началось переселение жителей. Это были шихы из рода эмира правоверных Имама Али, некогда жившие в Сирии в городе Шам. История города вбирает в себя три крупные эпохи царской России, в составе которой находился Азербайджан, а потом в составе СССР, и, обретя независимость четверть века назад, развивался в составе суверенного, независимого, светского, демократического государства.

Все началось с истории Петра I, великого завоевателя и реформатора российского государства. Совершив поход на юг, он захватил практически весь северный Азербайджан, находившийся в составе Персидской империи. Однако войны за освобождение продолжались и после смерти Петра I. Вот почему надо все знать, и не только историю своего края, хотя бы со времен Надир-шаха и вхождение Азербайджана в состав России. И тогда все прояснится, и по этой причине Заур стал изучать историю Ирана времен Надир-шаха. И тогда многие темные страницы истории его родного города прояснились.

История уходит в прошлое, а события, пережитые многими поколениями, остаются в памяти и передаются в форме рассказов новым поколениям. Если в прошлые века все это передавалось из уст в уста, то в наше время написано немало книг на эту тему в национальной историографии. В наше время пишут много людей, оставляя свой след в истории советского времени и нынешней независимой республики. Дело это непростое, требующее глубокого и тщательного анализа исторических событий без идеологического воздействия. Без приукрашивания той действительности, в которой мы жили.

Все эти три крупные эпохи прошли через судьбы жителей коренного населения этого городка. Не буду перечислять фамилии представителей интеллигенции Ширвана. Они известные люди, внесшие огромный вклад в развитие всех отраслей родного города, региона и в целом Азербайджана. Однако у каждой семьи, династии своя судьба, свои устои жизни, семейные традиции, которые так тесно переплелись друг с другом, что трудно отличить местных жителей от приезжих.

Заур часто задавался одним вопросом: как складывается судьба человека, каким он должен быть? И если что-то не так, то виноват сам человек, и еще в школе учили: «Человек кузнец своего счастья». Возможно, это и верное изречение, но не для нашей действительности, где всегда в почете были династии местных беков, известная родословная, богатство. И не имея всего этого, человек не мог подняться на высшую ступеньку общественного и политического развития. Но не это главное в жизни, а то, что человек жил в промышленном городе, который развивался, и жизнь в нем становилась все лучше и лучше.

Заур всегда был в гуще событий, происходивших в этом городе, жители всегда с уважением относились к нему за его отзывчивость и готовность оказать помощь по велению сердца. Эти простые люди, с которыми общался Заур, научили его верить в добро, лучшее будущее и

знать, что все необходимое для этого в руках у этих людей, созидателей и строителей будущего Ширвана.

Заур взялся за перо, чтобы написать роман о городке, ставшем для него родным, и перед ним, как кадры одной большой киноленты, пронеслась вся его жизнь, проведенная на Ширване. Что может быть дороже воспоминаний о своем детстве, юности и взрослой жизни, прошедшей в этом удивительно прекрасном и светлом городе. Но Заур и не думал писать мемуары о своей жизни, для него это слишком узкая тема. Он задумал написать художественно-публицистическое произведение о городе, пережившем три огромные эпохи царской России, АДР, СССР и независимого Азербайджана. По идеологии в СССР общество делили на красных и белых, в Азербайджане на мусаватистов и коммунистов. Но такое разделение существовало негласно, и люди едва замечали какие-то различия. А вот новое разделение общества на бедных и богатых граждане почувствовали сразу. Прав всегда тот, у кого есть деньги и положение, убери все это, и вы почувствуете разницу и ощутите верховенство закона.

На протяжении всего этого периода менялась не только жизнь, но и сознание людей новых поколений. Люди, выступавшие за развитие государства без идеологии, глубоко ошибались. За большими национальными интересами всегда стоит своя идеология независимого государства. В Азербайджане утвердилась и развивается идеология «азербайджанизма». Без нее в государстве и обществе будут царить хаос и нестабильное развитие. Это идеология, объединяющая нацию вокруг своего государства, к ней примыкают и люди, представляющие национальные меньшинства.

Глава 1

Неожиданный гость

В середине февраля нынешнего года мне позвонил Ибрагим Новрузов, с которым мы были соседи в новой части города Ширван в 80-е годы прошлого столетия.

– Я бы хотел с тобой встретиться, – сказал он. – Когда мы можем это воплотить в жизнь?

– В любое время, Ибраша, – ответил Заур.

– Тогда жди меня в половине третьего в садике Ахундова возле памятника.

В тот памятный четверг мы встретились с Ибрагимом в назначенном им месте. Мы с ним не виделись три-четыре года, тогда он работал в городском муниципалитете, откуда вышел на пенсию. Опираясь на трость, я прошел к садику Ахундова, где часто отдыхаю в послеполуденное время. Мы встретились, обнялись, вспомнили Ханика, героя рассказов Ибрагима, посмеялись и решили поговорить. Мы оба были настроены на воспоминания о прошлом. Я подарил ему объемную книгу «Панорама года сельского хозяйства» и томик миниатюрной книги «Ларец восточной мудрости».

В садике было холодно, и Ибрагим предложил посидеть где-нибудь за стаканом чая. Я предложил ему подняться к нам в гости. Предложение было принято, и мы расположились в просторной столовой. Отмечу, что Ибрагим на два года старше меня, несмотря на свою болезнь, он старался выглядеть бодрым и радостным. С детства он любил литературу, дружил с местными журналистами газет «Маяк» и «Ишыг», в последней печатался на родном языке, так у него спустя некоторое время вышли несколько книг о матери, которая дала ему прекрасное воспитание, привила любовь к народному творчеству. Мне понравилась его книга «Страницы жизни одного человека», состоящая из многих известных и неизвестных фактов о городе Ширван, отдельных личностях, он подарил мне книгу-очерк «Ших Гюльбала».

Хотел бы отметить, что писатель всегда нуждается в первоисточниках, и, когда их находит, нет предела его радости. Поэтому я безмерно благодарен Ибрагиму Новрузову за подаренные книги. Всю жизнь я с увлечением читал книги на исторические темы. И во время работы над романом я уединился и полностью погрузился в чтение книг о Надир-шахе, великом полководце. Заур был весьма удивлен, когда узнал о том, что на Муганской равнине, в местечке Слияние вод (Suqovı an), неподалеку от селения Минбаши, собравшиеся здесь известные люди Персидской империи провели свой курултай, на котором доблестного воина, известного полководца персидского государства Надира-кули хана провозгласили шахом Ирана. Муган хранит в себе все исторические события первого тысячелетия человеческой истории. Это мы об этом ничего не знали. Правильно говорят: век живи – век учись. Кто такой Надир-шах, я и понятия не имел, но знал, что он возглавлял Персидскую империю и вел кровопролитные войны. Позже, уже при Каджарах, северную часть Азербайджана присоединили к России.

В молодые годы Заур любил бродить вдоль берега Гаджигабульского озера. Ширванская равнина уходила к отрогам Мишовдага и горам Харамы. Степь была покрыта йовшаном и колючками, лакомая еда верблюдов. В то время он и не мог представить, чтобы в этих местах разводили верблюдов и что великий караванный путь пролегал именно через эти, в то время безлюдные, Ширванские степи. Но спустя несколько десятков лет после развала Союза мы прикоснулись к подлинной истории нашего края. А в соседнем Сабрибадском районе предприниматель из села Джавад Вагиф Ширалиев стал разводить верблюдов арабской породы.

В полдень над Ширваном стояла невыносимая жара и над асфальтом поднимались миражи. Заур шел и под ногами чувствовал и слышал гул, исходящий словно от лошадиных копыт прошедшей здесь несколько веков назад конницы многотысячной армии Надир-шаха.

Да, было такое впечатление, и он чувствовал, будто все это прошло через все эпохи. Именно история Надир-шаха занимала молодого человека.

В мираже, поднимавшемся над степью, он отчетливо видел воинов, пересекавших Ширванскую равнину, они переправлялись на противоположный, Муганский, берег рукотворной Куры. Куда и зачем, на какое историческое событие они спешили? На этот вопрос дает четкий ответ история. Я привожу эту часть истории жизни и смерти Надир-шаха.

В марте 1736 года на съезде в городке Суговушан (нынешний Сабирабад) Надира избирают шахом. Против Надира выступил гандзакский хан, который законными наследниками престола считал только представителей династии Сефевидов. Надир-шах, когда узнал про деяния гандзакского хана, разгневался, но в то время не наказал его, учитывая его большую славу и власть, однако отнял у него области Гаг (Казах) и Сомхет (Борчалы). А также приказал пяти армянским меликам, которые находились под властью персов в районах Дизак, Варанда, Хачен, Джраберд и Тальш, считать себя свободными от власти гандзакских ханов. Этих пятых меликов, поставленных Надиром в Карабахе, в армянской исторической литературе называют «Хамсаи меликутюннер». А в 1740 году Надир-шах отправляет юного шаха Аббаса III к отцу, где его вскоре умерщвляют вместе с Тахмаспом.

Надир-кули родился в городе Абиверде (ныне этрап/район Каахка), расположенном в 100 км восточнее Ашхабада. Вблизи селения Хиваабат Каахкинского района, где и ныне находится старинная крепость под названием Надир-гала, или Крепость Надира. По преданию песок и глину для строительства стен крепости привезли из Хивы, где будущий шах Ирана находился в плену. После освобождения он женился на дочери правителя Абиверда, которого звали Бабахан. Клан кырклы, как и представители племен афшар и каджар, входят в состав туркменских племен алийли, мехинли, части западных иомудов, геклен и арсары. Отец его происходил из рода Кырклу тюркского племени афшар, часть которого была переселена Сефевидами из Азербайджана в Хорасан для защиты северных районов страны от нападений узбеков. В восемнадцать лет Надир-кули, как его называли в юности, со своей матерью был угнан в рабство хорезмскими узбеками. Вскоре он бежал из неволи и вернулся в Хорасан, где в течение нескольких лет служил в ополчениях разных ханов, а позднее возглавил свой собственный вооруженный отряд, промышлявший разбоем и участием в междоусобных войнах в качестве наемников. Вскоре его имя стало известно всему Хорасану, и влиятельные ханы искали его покровительства, откупаясь от грабежей своих владений за большие деньги. Во время службы у известного хана Бабул-бека Надир-кули похитил его дочь и женился на ней. От этого брака родился сын Риза-кули.

Государство Сефевидов в тот период испытывало проблемы. Повсеместно вспыхивали восстания, недовольство политикой шаха привело к объединению усилий суннитской оппозиции в лице афганских и курдских племен, с северо-запада и севера на Иран оказывали давление Турция и Россия. Успехи русских войск и вторжение османской армии в Закавказье летом 1723 года вынудили Персию заключить 12 сентября этого же года мирный договор, по которому к России отошли Дербент, Баку, Решт, провинции Ширван, Гилян, Мазендеран и Астрабад. Вторгшиеся османы опустошили Грузию, Армению и западную часть современного Азербайджана. Обратите внимание на то, что Константинопольским договором 1724 года Россия и Турция фактически разделили между собой северные владения Ирана, иными словами Азербайджан. Тем временем вождь афганских мятежников в 1722 году овладел столицей Ирана и низверг последнего сефевидского правителя Солтана Хусейна. Так началась недолгая эпоха «афганского правления» Персией. В 1726 году Надир прибыл со своей дружиной в 3000 человек в Мазендеран, где собирал армию для борьбы с афганцами свергнутый ими молодой шах Тахмасп II из династии Сефевидов. Надир-кули испросил у него прощения и предложил свою помощь для изгнания из Ирана афганцев. Шах принял его очень благосклонно, и в этом же году Надир в качестве его военачальника, приняв имя Тахмасп-кули хан, изгнал афганцев из

Мешхеда. В благодарность шах пожаловал ему титул султана и звание губернатора Мазендерана и Хорасана. В 1729 году войско Надира-кули одолело афганцев в битве при Дамгане и оттеснило их в Афганистан. Надир убил своего дядю, присоединил келатское войско к своему и в течение двух лет (1729–1730) положил конец семилетнему афганскому игу. Тахмасп, опасаясь усиления Надира, приказал было ему прекратить военные действия, но Надир подступил к резиденции шаха и принудил его предоставить себе огромную власть в государстве. Тахмасп передал ему четыре обширные области: Хорасан, Мазендеран, Систан и Керман; Надир велел чеканить для Хорасана монету со своим собственным именем.

Едва дав отдохнуть своему войску, Надир-шах двинулся на северо-запад, против турок, в руках которых находился до этого времени весь Азербайджан и лучшая часть Ирака. Надир победоносно дошел до Армении, но в войну вмешался сам Тахмасп и своими неумелыми действиями не только потерял все приобретения Надира, но и принужден был уступить туркам еще добавочную часть Персии.

Надир постарался вызвать всеобщее негодование против унижительного договора с «презренными еретиками» (то есть суннитами), низверг Тахмаспа (1732), посадил на престол малолетнего Аббаса III и объявил себя регентом. Возобновившаяся война с турками сперва была неудачна, но затем в 1733 году Надир собрал новое войско и продолжил войну с турками на Кавказе. В 1734–1736 годах Надир-шах отвоевал Восточное Закавказье у турок. Вот как описывает Абраам Ереванци вступление Надира на Иранский престол. Надир после изгнания турок расположился лагерем в местности, называемой Муганом (степь между Курой и Араксом). «Здесь он, разослав людей, собрал всех правителей и вельмож персидских и на торжественном собрании выступил со следующей речью: «Ведомо ли вам, ради чего я созвал вас? Вот который уже год я ради вас не выпускаю из руки меча и сумел изгнать из нашей страны врагов ваших – Оманца, Москова, вырвав из рук все города нашего царства персидского, и сейчас, завершив все, я вернулся, явившись сюда. И вот после того, как покорил всех врагов и установил незыблемый мир, надлежит вам возвести на престол царя...» И они все совместно написали грамоту и скрепили печатью, что Кули-хан де наш царь и нет у нас иного царя, кроме него, вручили ему грамоту, устроили ему торжество воцарения, продолжавшееся много дней, и сделали его царем». Во время восшествия Надира на престол, по свидетельству Кретаци, присутствовало 300 человек. Среди приглашенных армян были такие крупнейшие мелики, как Меликджан, Акопджан, приехавшие из Еревана, мелик Еган из Карабаха и многие другие. Предложение Надира о соединении шиизма и суннизма в одну государственную религию вызвало недовольство главы шиизма муллы Баши... В ответ на это Надир приказал немедленно удушить Баши. Были казнены также несколько крупнейших вельмож, выразивших недовольство вступлением Надира на шахский престол. Присоединив к своему войску храбрых кочевых разбойников-бахтиаров, Надир вторгся в Афганистан (1737). В течение года был взят Кандагар и другие места; несколько афганских племен составили ядро войска Надир-шаха. Овладев Кабулом, Надир-шах послал письмо в Дели великому моголу Мохаммед-шаху с просьбой не пускать в Индию афганских изгнанников. Просьба не была уважена, и в 1738 году Надир вступил в Индию и, быстро покорив все на пути, разбил войско империи Великих Моголов близ Дели (у Карпала). 8 марта 1739 года Надир-шах вступил в Дели; через три дня там произошло восстание, и Надир-шах, ожесточившись, велел солдатам вырезать всех жителей, а город сжечь; резня продолжалась от восхода солнца до полудня. Через несколько дней блистательно была отпразднована свадьба сына Надир-шаха с дочерью великого могола. В мае Надир-шах отправился назад в Персию, взяв все деньги и драгоценности могола (в том числе знаменитый павлиний трон, сделанный из драгоценных камней) и главных богачей Индии; с отдаленных провинций Индии он велел взыскать в свою пользу подати и недоимки, а его хищные сборщики вымогали у жителей путем пыток вчетверо и впятеро больше, чем Надир-шах назначил.

По возвращении Надир-шах простил жителям Персии налоги на будущие три года. Усмирив восстание в новоприобретенной провинции Синд, он в 1740 году отправился в Туркестан. Бухарский хан Абуль-Фейз уступил Надир-шаху земли до Амударьи и выдал свою дочь за его племянника. После сильного сопротивления разбит был хивинский хан Ильберз и вместо него водворен Тагыр-хан (двоюродный брат Абуль-Фейза). В 1735 году Надир заключил мир с Россией, по которому она вывела свои войска из прикаспийских земель. Признание Россией власти Надира над Дербентом и Дагестаном принесло местному населению новые тяготы. Дербент оказался во власти Ирана. Воспользовавшись этим, Надир заключил выгодный для себя мирный договор с Турцией в Эрзеруме в 1736 году. Согласно условиям договора Турция обязалась возвратить все территории, принадлежавшие Ирану до 1722 года. Добившись этого от Турции, он в 1736 году созвал в Муганской степи курултай (собрание) всех феодальных владетелей Ирана и подчиненных ханств с заранее подобранным составом, где объявил себя шахом Ирана.

Потери были огромны, по окончании похода от 52 тысяч осталось не более 27 тысяч, «между которыми весьма много хворых и раненых, и все в гнусном состоянии содержится». По другим данным, шахские войска потеряли 30 тысяч человек, более 33 тысяч лошадей и верблюдов, 79 пушек, большую часть вооружения и снаряжения. По пути горцы несколько раз догоняли их и наносили удары. Надир отступал через Кукмадагский перевал. За перевалом, в местности Гундривалу, Муртаза-Али-бек настиг арьергард кизилбашей, нанес еще один удар. А шах добрался до Дербента «с половиной войска», «лишившись казны, имущества и почти всех вьючных животных». Осенью 1741 года Надир-шах потерпел страшное поражение в Андалале, потеряв более 20 тысяч воинов, он бежал. Кампания 1741–1743 годов против повстанцев Южного Дагестана дорого обошлась иранскому государству. Характеризуя состояние Ирана в эти годы, Братищев в письме к канцлеру Александру Черкасскому указывал, что в продолжение двух лет шах не смог справиться с местным населением, которое «к защищению своему имело только ружье и саблю, но лишь вконец разорил свое государство, подорвал свои сбродные силы. Благодаря его суровости и жестокости народ обнищал». Из-за жестокой эксплуатации населения, увеличения размера налогов, насильственной мобилизации в армию почти во всех уголках государства Надир-шаха вспыхивали все новые и новые вооруженные восстания, в том числе и в Дербентском ханстве и в Ширване. Бои с завоевателями происходили и в районе Самура, при Дарвахе, в Кайтаге, Кумыкии, Мехтулинском ханстве.

Надир-шах на Павлиньем троне после победы над Мухаммад Шахом.

Индийская миниатюра, ок. 1850 г., музей искусств Сан-Диего.

Перед лицом опасности иноземного порабощения дагестанские горцы стали объединяться, чтобы дать отпор армии Надир-шаха, который подступил к Дербенту. Надир-шах не оставлял мысли покорить Дагестан. Для этого он занялся возведением укреплений и сторожевых башен, создал в районе Дербента военный лагерь, который получил название Иран хараб, или Гибель Ирана. Дербент же он превратил в свою резиденцию, где и построил дворец. Отсюда он посылал карательные отряды в Табасаран, Кайтаг, Аварию и другие места Дагестана. В 1745 году дагестанские повстанцы во главе с уцмием Кайтага Ахмед-ханом при помощи «60-тысячного отряда табасаранов» разбили шахские войска под Дербентом. Надир-шах стал собирать новые силы для похода на Дагестан, но в результате заговора был убит 9 мая 1747 года. Через некоторое время Дербентское ханство добилось независимости от центрального шахского правительства.

Захватнические войны со стороны Ирана очень неблагоприятно отразились на состоянии экономики всего Дагестана и особенно Дербентского ханства. Пострадало не только земледелие в сельской местности, но и ремесленное производство и торговля в городах. Одним из важнейших предприятий Надир-шаха была попытка создания флота в Персидском заливе и Каспийском море, которая осталась незавершенной.

В Надир-шахе развилась болезненная подозрительность: он увидел в этом покушении дело рук своего старшего сына – Риза-кули, которого в 1743 году ослепил. Раскаяние и упреки совести довели Надир-шаха до умоисступления. Были казнены 50 вельмож, присутствовавших при ослеплении (по словам Надир-шаха, они должны были, видя намерение шаха, предложить свою жизнь для спасения очей наследника), и с той поры началась эпоха непрерывных зверств и казней. Последовавшая трехлетняя война с турками из-за Басры, Багдада и Мосула была удачна для Надир-шаха, но внутри государства росла против него ненависть. Шах стал скрягой, стал выжимать из населения последние соки, взыскал и прощенные трехлетние подати; в то же время он с особенной жестокостью преследовал и повсюду казнил ревностных шиитов. Последовал ряд восстаний, за которые сплошные казни постигали целые города; жители укрывались в пустынях и пещерах.

Резная рукоять сабли Надир-шаха, выполненная из слоновой кости, была отреставрирована Гаджибахмудом Магомедовым.

Наконец, когда Надир-шах решил истребить в своем войске всех персов, был осуществлен заговор, и в 1747 году Надир-шах был убит одним из военачальников, Салех-беем. Новоизбранный шах Алий (племянник Надир-шаха) объявил в манифесте, что Надир-шах был убит по его приказу. Такова жизнь и смерть великого Надир-шаха, которая закрывает белые пятна истории Азербайджана, предшествовавшей периоду присоединения его северной части к царской России.

Мой рассказ о Надир-шахе занял около семи страниц повествования. Он был необходим для того, чтобы показать, каким древним и наполненным историческими событиями является этот регион, люди здесь жили на щедрой земле с богатыми недрами, полными нефтью и природным газом. Именно при Надир-шахе были объединены земли Азербайджана. Это можно считать большим вкладом династии афшаров, дело которых продолжила династия каджаров, которые в советской историографии выдавались за кровожадных завоевателей. Один из французских литераторов написал роман «Каджария». Так называлась великая страна тюрков и персов, по имени ее правителя шаха Каджара. Мы об этом ничего не знали, потому что не было никакого интереса к правителям, оставшимся в прошлом. Спросите у любого гражданина независимого Азербайджана о Советском Азербайджане, вы не услышите точного ответа. Люди быстро забывают время, в котором жили. И если сильна пропаганда о сильной личности, люди вопреки своему желанию это запоминают и особенно молодежь.

В наше время некоторые историки стараются провести параллели между основателем династии афшаров Надир-шахом и вторым президентом Азербайджана Абульфазом Гадиргулу оглу Алиевым. Есть, конечно, схожие черты. Надир-шах, как и Эльчибей, вышел из простого народа. Надир-шах очистил от иноземцев наши земли, и Эльчибей сделал то же самое. Надир-шах выгнал русских воинов из Азербайджана, и Эльчибей поступил так же. Надир-шах создал военный флот своего государства, и Эльчибей тоже. Надир-шах совершил много полезного для устранения национально-религиозной напряженности, и Эльчибей поступил так же. Однако между ними имеются и существенные различия. Эльчибея сравнивают с такими президентами Европы, как Вацлав Гавел, Лех Валенса, Тургут Озал. Это мне позволяет сказать, что наши современники по-разному оценивают роль главы государства, пройдет еще 50 или 100 лет, и сама история вынесет свой вердикт.

Мой гость внимательно ознакомился с моими произведениями, аккуратно сложенными на книжных полках, и восторгался творческой активностью.

– Здесь нет никакого секрета, – ответил Заур и взглянул на Ибрагима.

– С этим можно согласиться, но не у каждого желающего из-под пера выходят романы на тему времени, эпохи.

– Ну, конечно, это так, – утвердительно кивнул Заур.

– Я всегда учился журналистскому мастерству у тебя, – произнес Ибрагим. – У тебя материалы получались лучше, чем у наших местных творческих работников.

– Не хвали меня, Ибрагим, – тихо ответил Заур и глаза их встретились.

В их блеске каждый из друзей-Ширванцев прочитал невысказанные мысли и уважительное отношение к творчеству друг друга.

Заур каждый раз, посещая родной город, выходил на берег Куры, устремляя свой взор на знакомый железнодорожный мост, который в 50-60-е годы одновременно служил для перевозки грузов и пассажиров. За железной дорогой открывалась живописная муганская панорама, на этой земле жили люди, создавали свои хозяйские подворья выращивали виноградники и сады с сочными персиками и хурмой. Село Минбаши находится на левом берегу Куры и относится к Мугани. Я неоднократно ездил в это село, встречался с сельчанами, многие из них состояли в родстве с Гюльбала Шихбала оглы Алиевым, который в прошлом веке пользовался большим авторитетом среди населения Аранского экономического региона и за его пределами. Это был умный, талантливый педагог и аксакал, отлично разбиравшийся во всех тонкостях нашей жизни и человеческих отношениях. Он любил человеческие ценности и как великий педагог правильно воспитывал школьную молодежь. Кроме педагогики, он любил изучать литературу, историю, прекрасно знал ценности ислама и культуру этой мировой религии. Религиозные деятели считались с ним и в его присутствии старались не допускать ошибок в толковании хадисов этой великой религии и Священного Корана. Мне удалось раздобыть некоторые сведения о династии этой семьи.

В Шемахе в селе Шам жили люди из племени Гаджигюлалы. По приказу шаха Надира людей переселили на территорию Ахсуинского района. Затем их перебросили на Мугань, и они стали жить в тугайских лесах. Люди настолько уверовали в силу Шиха Гаджигюлалы, что поток людей не переставал течь к его дому, где они находили облегчение и умиротворение от различных болезней. И этот дом стал своего рода одажом. Таким образом, Ших Гаджигюлалы являлся всеми признанным святым человеком на Ширване и Мугани. Он был дедом Гюльбалы Алиева. Во времена царской России местные чиновники приняли решение выслать Шиха в далекий Харьков. Судебные исполнители прибыли в село и посадили Шиха в фаэтон, не разрешив проститься местным жителям со святым человеком. Но лошади не двинулись с места. Тогда они решили сменить лошадей и поставили тройку, но и на этот раз животные не двинулись с места. Ших им говорит: «Зря стараетесь, ничего не получится, разрешите я попрошаюсь с сельчанами». И как только это случилось, тройка лошадей поскакала во весь дух. Действительно, это было чудо, произошедшее на глазах сотен жителей Мугани. О дальнейшей судьбе Шиха известно следующее:

Так получилось, что в местах ссылки появился один из местных беков по имени Аслан, который учился здесь и часто навещал ссыльного Шиха. Однажды он сообщил святому земляку, что дочь губернатора заболела, и ее никто не может вылечить ни в России, ни за рубежом.

– Попробуй ей помочь, – взмолился Аслан-бек, – и тебя вернут обратно.

– Это невозможно, – ответил Ших и глубоко вздохнул. – Меня именно из-за того, что я святой, сослали в Харьков, в эту российскую глубинку.

– А ты докажи обратное, что Аллах вместе с тобой и помогает тебе лечить людей, – сказал Аслан.

Ших согласился, и Аслан сообщил губернатору, что есть человек, который вылечит его дочь. Когда об этом узнал губернатор, он сразу привез свою дочь в дом Шиха и наблюдал за процессом лечения. Ших подошел к девушке и концом желтой куртки слегка ударил по ее рту, и девушка мгновенно упала в ноги Шиха и стала его просить о спасении. Он приказал освободить ее руки от веревки. Ее прежнее состояние проходило, и она возвращалась к здоровой жизни. Затем губернатор сказал Аслан-беку, чтобы собрали подписи людей, живших рядом с Шихом. Этот процесс длился два года, и его амнистировали, Ших вернулся домой.

Как и все святые, Ших Гаджигюлалы перед смертью завещал, чтобы мальчика, который должен родиться, назвали Шихбаба. Гаджигюлалы еще при жизни нашел себе место на городском кладбище, где его и предали земле. Жители на свои средства построили кумбез. Все произошло именно так, как завещал святой. Мальчик по имени Шихбала оказался трудолюбивым, и очень быстро его материальное благосостояние выросло в десятикратном размере. После развала царской империи в Азербайджане была создана Азербайджанская демократическая республика. Шихбала был в Баку, встречался с Анвар-пашой и Нури-пашой, вместе с ними делал намаз в мечети Таза Пир. Советские власти его арестовали, обвинив в распространении идей пантюркизма и панисламизма. Однако через некоторое время его освободили, убедившись в его невиновности. Когда началась коллективизация, Шихбала добровольно передал в колхоз 10 буйволов, 15 коров, 100 овец и ягнят, гянджинский фиргоун с лошастью и много денег. Но власти этим не ограничились и решили выслать Шихбалу из села как кулака. Был ложный донос, и Шихбала, как и другие зажиточные крестьяне, был репрессирован. У них отняли все, что они имели, а самого Шихбалу сослали в голодные степи Казахстана, в местечко Шабранды. Высланных собрали на одном из участков, расположенных в нескольких километрах от станции, и сказали: «Это ваше место, навечно. Живите тут и размножайтесь. Постройте себе дом и создайте условия для жизни».

Приближалась зима, и переселенцы начали строить дома из саманных кирпичей. В этих трудных условиях многие не выдержали и умерли. К весне от отца получили письмо, вспоминал Гюбала муаллим. Он писал, что все нормально и спрашивал, как мы живем. В школе некоторые ученики цеплялись ко мне, обзывая сыном кулака. В гости приехал родственник Солтанали киши. И мать ему пожаловалась. Он сказал: «Пусть живет у нас в селе Гызылбурун, но учиться будет в селе Атбулаг». Мать согласилась, и я на время оставался у родственников и продолжил учебу в школе села Атбулаг. Через год отца освободили, и он вернулся домой.

А произошло это так, и не без помощи Наримана Нариманова. В те годы сельчане Минбаши на баркасе переплывали на противоположный берег Куры, где находился поселок Зубовка. Именно сюда на поезде прибыл Нариман Нариманов на встречу с населением этого региона. Сельчане с нетерпением ждали его, и когда баркас приблизился к берегу, по всему селу разнеслось: «Доктор Нариман идет». Шихзаде оказался проворным мальчишкой, предстал перед Нариманом Наримановым и сказал: «Освободите моего отца, он ни в чем не виноват». Доктор Нариман взял в руки трехцветный карандаш и, написав на листке нужные слова, передал мальчику, сказав следующее: «Будешь в Баку, заходи, я помогу тебе». Лицо Шихзаде просияло надеждой. Через несколько дней с родственницей он поехал в Баку и пришел к дому, где работал доктор Нариманов. Когда он приблизился, доктор сразу узнал мальчика, сказал ему: «Поднимайся». Нариман Нариманов, стоявший во главе правительства советского Азербайджана, сидел в кабинете и звонил по нужным адресам, давал указания об освобождении Шихбалы из села Минбаши.

Заур долгое время не знал, что его супруга является родственницей этого великого государственного и общественного деятеля по материнской линии. Дело в том, что после смерти этого великого патриота обвинили в национализме, и его близкие родственники были объявлены врагами народа. И этот факт потом долго обсуждался в их семьях, и были достойны памяти своих предков. Ших Гюльбала, так звали этого досточтимого аксакала, выдающегося педагога, общественного деятеля Ширвана. Он любил принимать гостей, у него гостили народный поэт Бахтияр Вахабзаде, известный экстрасенс Тофик Дадашев, ученые, педагоги, народные артисты, шейхи и многие другие. Его хорошо знали во всех регионах республики, а также в Иране и Турции. Это был высокообразованный интеллигент, хорошо разбиравшийся в тонкостях народной музыки, искусстве, литературе, а в беседах о ценностях ислама ему не было равных. Эту культуру он перенял от отца Шихбалы.

Однажды в школу села Минбаши, где Гюльбала учился, пришла группа ученых и провела беседу на тему атеизма и религии. После окончания лекции детям раздавали атеистические брошюры, Гюльбала выразил протест и не взял, тогда его родственник, дядин сын, дав ему пощечину, выставил из класса. Несправедливое отношение к себе вызвало негативную реакцию у мальчика. Он несколько дней не ходил на занятия. Отец ему сказал: «Сын мой, религия дело тонкое, по этой причине меня арестовали, и я отбывал срок. Ты от Аллаха не отказывайся и держи веру в себе. Он всегда тебе поможет, как помогал всему нашему роду. Мы шихы, и мы всегда с Аллахом. Когда тебе трудно, произнеси Аллаху Акбар три раза, и все станет на свои места». Членов этого святого семейства жители Мугана и Ширвана почитали и раньше. Его прадед Гаджигюлалы, о котором я рассказал в начале книги, обладал божественным даром народного целителя. И эта божественная сила передавалась всем членам рода, но обладали ею не все. Ших Гюльбала был человеком, которого любил Аллах и помогал ему в мирской жизни делать добро людям, нуждавшимся в его помощи, защите, и наоборот, Аллах наказывал тех, кто поносил его доброе имя и незаслуженно подвергал проклятиям. Это была Божья кара за оскорбление его личности. Воистину он был Божьим человеком!

Старожилы города Дамир киши и Гянджали муаллим, когда чувствовали себя нездоровыми или у них болели зубы, обращались к Шиху, и он проводил рукой по больному месту, они тотчас переставали чувствовать боль. Когда он приезжал в родное село Минбаши, на встречу с ним собирались люди всего села, и он здоровался со всеми, интересовался здоровьем, их делами, помогал в решении житейских вопросов, а также материально. Он был человеком чутким и заботливым. Как-то ему во сне приснилась мать. Он вызвал к себе учителя по имени Вахид Буниатов и попросил его отвезти в село Минбаши. В этот период на Куре часто бывают паводки. И машина Вахида на малой скорости двигалась по берегу, где вода поднялась выше положенного уровня. Вахид посмотрел в лицо своего директора. Он был спокоен и сказал Вахиду:

– Не бойся Вахид, ты со мной, и с нами ничего не случится.

Миновав места, где ожидалось затопление, машина выскочила на асфальт, и путники продолжили свой путь. У родительского дома уже было много людей. Мгновенно по селу пролетела молва, что приехал Гюльбала муаллим. Его со слезами встретила мать, его отец Шихбала умер, и Гюльбала муаллим посетил место, где было омыто тело покойного. Посидев в палатке около двух часов, после чаепития Гюльбала муаллим сказал: «Встань дорогой, надо ехать». Вахид своим глазам не поверил, уровень воды упал на несколько сантиметров, и теперь можно было ехать даже по склону, не боясь упасть в реку.

А вот еще один эпизод из жизни Шиха. Летом 1966 года во дворе педагогического техникума раздался плач молодой абитуриентки. Увидев мать, она еще сильнее заплакала, оказывается, она срезалась на экзамене. Женщина не выдержала и стала поносить учителей и директора педучилища грязными словами и проклятиями. Часа через три во дворе появилась та самая женщина с повязкой на лице. Когда она вошла к себе во двор, то не обратила внимания на висевшие концы острой проволоки, изуродовавшие ее лицо. Поняв свою ошибку, она быстро вернулась в педучилище и, упав к ногам директора, попросила у него прощения. Он сказал: «Пусть Аллах простит тебя».

После вынужденной отставки с должности директора педучилища Ших Гюльбала до конца своих дней работал в должности председателя Гаджигахраманлинского поселкового совета. Именно с его появлением здесь все изменилось к лучшему. Люди этого поселка любили его как аксакала, прислушивались к его советам, а он активно принимал участие в жизни каждого жителя поселка, участвовал в свадьбах молодых пар, благословлял их на счастливую супружескую жизнь, при нем проводились поминки по канонам ритуалов ислама.

В то время Заур часто выезжал в командировку по Сальяно-Муганской зоне и утром на сальянском повороте он всегда встречался с Гюльбала муаллимом, стоявшим в ожидании знакомого с машиной.

– Как дела, Заур муаллим? Читаю твои статьи и обзоры, – сказал однажды он. – Заходи к нам в поселок, поговорим.

– Обязательно, – сказал Заур. – Вы лучший собеседник из тех, кого мне приходилось слушать.

Заур даже несколько раз предлагал его довезти до поселка на такси, и всякий раз аксакал благодарил за внимание и любезно отказывался. Он, видимо, дожидался знакомого сельчанина, ехавшего в сторону поселка Гаджигяхраманлы.

Уже после его кончины, спустя два-три года, Ших Гюльбала приснился Зауру и сказал, что тот должен переехать, указав рукой в сторону Баку. Заур почитал светлую память этого святого человека, талантливого педагога, известного в стране интеллигента и незамедлительно последовал его доброму совету. И не прогадал, жизнь его изменилась к лучшему, а круг знаний расширился, он приобрел много знакомых и новых друзей.

Заур и Ибрагим беседовали больше трех часов. Их разговор шел вокруг тех героев, которые займут достойное место в романе Заура. Ибрагим подарил другу книги, которые Заур прочитал, из них почерпнул для себя нужную информацию. Потом они еще не раз общались, говорили по телефону в день весеннего праздника Новруз-байрамы.

Глава 2

Этот пыльный городок на берегу Куры

Этап бурного развития и становления райцентра городка приходится на 1930 год, в то время его называли в честь большевика Али Байрамова, до 1963 года он был известен как крупный сельский район в республике. В связи с развитием нефтяной и энергетической промышленности статус сельского района ликвидировали, и Али-Байрамлы обрел новый статус города республиканского подчинения. Распоряжением президента Азербайджана № 2800 от 7 мая 2008 года город обрел новое название – Ширван. Ранее его территория составляла 30 кв. км и была расширена до 72,7 кв. км. Но и этого мало, потому что ускоренное развитие крупнейшего промышленного центра республики потребует отвода новых земель. На его территории имеются архитектурные памятники, некрополь, надгробные камни в поселке Чылпаглы бронзового периода, сады отдыха в Старом городе начала 19 века, насосная станция конца 19 века Зубовка, Джума мечеть начала 19 века, административное здание 19 века.

В начале 1930-х годов стала выходить районная газета, которая на протяжении нескольких десятилетий меняла свое название и в 1960-е годы стала выходить под названием «Ишыг», на русском языке в городе стали печатать газету «Маяк», которая просуществовала до развала СССР. Из-за финансовых трудностей газету закрыли и редакцию расформировали. В настоящее время в городе выходит только газета «Ишыг» один раз в месяц.

Редакция газеты находится в старой части города, у нее небольшой штат сотрудников. На снимке печатник Исабала Мамедов, журналист Гасанага Самедов, Тапдыг Худаев и другие. С журналистами Гасанагой Самедовым и Тапдыгом Худаевым Заур встречался и слушал их рассказы о развитии района в годы коллективизации, о развитии хлопководства, коконоводства, овощеводства и животноводства. Было и такое время, когда газету выпускала объединенная редакция, и журналисты собирали материалы, выезжая в селения, находившиеся на Ширванской и муганской равнинах. Для того периоду выполнению плана была подчинена вся массово-политическая и организаторская деятельность райкома партии и ее первичных организаций. Среди журналистов этого региона особо выделялся Мёхсум Халилов, возглавивший коллектив редакции «Ишыг» и руководивший ею до выхода на пенсию. Он окончил факультет журналистики АГУ имени С. М. Кирова в 1959 году и был направлен на работу в газету «Путь коммунизма» Казимагомедского района. Спустя год район присоединили к Али-Байрамлы, в котором он два года работал инструктором райкома комсомола, а затем перешел в районную газету, которая была закрыта, а в Сабирабаде стала выходить межрайонная газета, здесь Мёхсум работал ответственным секретарем. В 1963 году его выдвинули на должность завкабинетом политпросвещения горкома партии, а затем и заведующим отделом пропаганды и агитации. В 1965 году в городе стала выходить городская газета «Ишыг», ее главным редактором стал М. Халилов. В 1974 году его выдвинули на должность второго секретаря горкома партии, в этой должности он проработал до конца 1976 года. С 1977 по 1988 года работал заместителем редактора, а потом главным редактором до выхода на пенсию. Заслуженный журналист, награжден орденом «Знак Славы».

Русская редакция городской газеты «Маяк» была создана в середине 60-х годов прошлого века, ее возглавил редактор Фрольцов, которого сменил Бегляр Теймурович Курбанов. На его место назначили собкора АзТАГа Леонида Васильевича Тимошенко. По приглашению друга сюда пришел работать молодой специалист, выпускник Нархоза Шамиль Меджидов, который возглавил промышленный отдел редакции. Эрудированный парень быстро вошел в жизнь городской газеты и опубликовал серию материалов об экономике города. Он писал о нефти, энергетике, о заводе мелиораторов, где работал начальником отдела снабжения. Он

быстро пошел в рост, и ему предложили место собкора в республиканской газете «Вышка», которая направила его в Москву, где он прошел двухгодичные курсы подготовки журналистских кадров. После возвращения он работал в редакции, возглавлял отдел промышленности. Затем он стал работать собкором «Известий» по Азербайджану, инструктором отдела ЦК компартии Азербайджана, заместителем председателя Гостелерадио Азербайджана. Он был контактным, любил общаться и не только с высокопоставленными чиновниками республики, но и с земляками и часто выезжал в родной город. И можно считать, что он его никогда не покидал. В Баку он начал выпускать газету, привлекающую внимание читателей и в России. Был у него друг детства, которого звали Заур, россиянин по рождению. Оба любили читать литературу, как русскую, так и зарубежную, обменивались мнениями. У них часто возникали беседы вокруг романов Джона Голсуорси, ещё тогда, когда оба учились в вузах республики. Интересно сложилась судьба его друга, который был на три года старше его. Но в дружбе нет понятия возраста. Став известным писателем, Заур запишет такой афоризм: «Дружба зиждется на бескорыстных отношениях людей и довольствуется искренними чувствами. Дружба проверяется временем».

Заур на Ширване появился во второй половине 1957 года. И вот как это произошло.

12 августа 1957 года 12 часов дня

Маршрутный автобус Сальян – Али-Байрамлы остановился на привокзальной площади, где местные жители торговали овощами и фруктами. Из автобуса вместе с пассажирами вышел Заур, одетый в черные брюки и серый пиджак. Но здесь было так жарко, что ему пришлось снять пиджак, купленный родителями на вырост еще в российском райцентре Чердынь летом 1956 года.

– Ай, дайы, ты куда идешь? – услышал он голос женщины, которая вместе с мужем оказалась на автобусной остановке.

Женщина обняла отца Заура и долго плакала. Она его видела впервые после того, как он вернулся из российской глубинки после сталинских репрессий. У всех было радостное настроение, с которым они подошли к дому, где с семьей жила биби гызы с мужем и детьми.

Вот так и началось первое знакомство Заура с райцентром этого небольшого городка в августе 1957 года. Все, что запомнилось в тот день о городке, это степная жара, пыль на дороге, которую поднимали грузовые и легковые автомобили. Летом здесь кишели змеи, в селении Наваги, приблизительно в 50 км от Али-Байрамлы, находилось чтимое мусульманами местечко Софи-Гамид, куда приезжали люди, ужаленные змеями, притирали рану землей этого святого места, находили облегчение и выздоравливали. О таких случаях в Сунийской стране писал Стефанос Орбел. Ужаленных змеями водят на холм и показывают им монастыри или же доставляют им немного церковной земли, отчего ужаленный тотчас очищается от яда и выздоравливает.

Маленькие глинобитные дома, построенные из саманного кирпича, да позеленевшие лужи, где плавали жабы и лягушки. Эти лужи дети называли шишкиным озером. Таким предстал перед юным Зауром этот городок, в котором царила патриархальная отсталость с одновременно мощным развитием нефтяной и энергетической промышленности, сюда устремились молодые кадры из престижных нефтяных и химических вузов республики, из политехнического. Кадры стали прибывать из России, куда по направлению в 70-е их отправлял на учебу Гейдар Алиев. Это был крупный социальный проект, искусно проведенный в пользу Азербайджана.

Но вернемся в 1957 год. Вся небольшая семья Заура, состоявшая из трех человек, переселилась в этот городок, расположенный на берегу Куры. Здесь жила родственница его отца Миная ханум, у которой отец снял однокомнатную квартиру с земляным полом и потолком с камышовым покрытием. Родители нашли работу, а Заура устроили в третий класс интернаци-

ональной школы № 2. Он был старше одноклассников, и его назначили старостой класса, и в этой общественной должности Заур проучился до 8 класса. В 1963 году юноша уже работал оператором цеха перекачки нефти нефтепромысла № 3 и учился в вечерней школе рабочей молодежи, которую окончил в 1966 году.

Отец работал поваром в рабочей столовой нефтяников, и Заур после занятий приходил на обед. Остальное время проводил за чтением книг или гонял в футбол во дворе. Так получилось, что спустя год семья была вынуждена переселиться в однокомнатную квартиру в поселке мелиораторов.

Они просто были вынуждены освободить квартиру, была веская причина, из армии вернулся ее старший сын Абульфаз с женой Евгенией из города Гродно республики Беларусь. Так была создана на Ширване, возможно, первая интернациональная семья. Евгения родила Алику четырех девочек и одного сына. Они выросли, и сегодня две дочери и один сын живут в Гродно на родине матери. Старшая дочь Эльмира преподает в университете Гродно, средняя дочь Мая работает в должности прокурора, сын Бахтияр работает дальнбойщиком, он женат, у него подрастают дочки и маленький сынишка.

...Отец снова устроился поваром и на этот раз в рабочую столовую мелиораторов. Из этого поселка Заур начал ходить в четвертый класс школы, которая переселилась в новое типовое здание, расположенное на проспекте Октября. Большинство жителей поселка мелиораторов добирались до старой части города пешком. Главный Ширванский канал делил город на две части, старую, где мы уже жили, и Новый город, который начали строить нефтяники и энергетики. И двухэтажки затем сменились на пятиэтажки, уходившие все дальше в Ширванскую степь. Поселок мелиораторов Зауру запомнился тем, что в тот 1958 год был сильный мороз, сковавший Гаджигабульское озеро. И он обрадовался, взяв с собой коньки «Снегири», привезенные им с Урала, отправился на озеро, где от всей души катался по льду. Он не боялся, что лед может треснуть, так как его толщина достигала 30–40 см. Домой вернулся веселый и радостный.

– Ну, как на озере? – спросила его мама.

– Отлично! – ответил он с восторгом.

И это была истина. Потому что после 1956 года ему впервые удалось прокатиться по льду этого небольшого озера на коньках, подаренных ему на день рождения в поселке Керчевск.

Гаджигабульское озеро – это небольшой водоем, значительная часть которого была покрыта камышом и чаканом. Чистая часть озера была рядом с небольшим городком Аджикабул, находившимся в подчинении города Али-Байрамлы. На берегу озера было рыбное хозяйство, которое ежегодно обрабатывало свыше 200 тонн рыбы, которую вылавливали также местные браконьеры. Пребывание на свежем воздухе и катание на коньках вернули мальчика к воспоминаниям детства, проведенного в поселке Керчевск на реке Кама. Новый город строился и все дальше в степь уходили каменные коробки пятиэтажных жилых зданий для нефтяников и энергетиков. Особенно весело было в молодежном поселке ГРЭС им. Ильича. По вечерам здесь организовывали часы досуга для молодежи, играл духовой и эстрадный оркестр Октя Гасанова, выступали молодые вокалисты, были танцы, на такие мероприятия мы добирались обычно на вахтенном автобусе.

Молодежь, прибывавшая на работу на ГРЭС по комсомольским путевкам, была более раскованной и не устраивала конфликты с местными молодыми ребятами. Они старались обходить спорные вопросы в выборе девушек, которые приходили на танцы под игру духового оркестра. Однажды в клубе поселка мелиораторов были объявлены танцы, на которые пришли местные парни и молодые люди из старого города. На танцы пришел и молодой солдат, служивший в военном городке. У него завершался срок службы, и он должен был через две недели отбыть из военного городка, находившегося в Кази-Магомеде. У него была русская девушка из поселка мелиораторов, с которой он встречался. И у них были серьезные намерения. Но этот

вечер положил конец их встречам. Олег был старше Наташи на четыре года. Он приехал на танцы и весь вечер не отпускал свою девушку танцевать с другими. Это заметили хулиганы и решили силой увести Наташу на объявленный танец. Но она сопротивлялась. Олег подскочил вовремя и одним ударом уложил обидчика на землю, а в это время к нему незаметно подкрался с тыла парень со смуглым лицом и пеной у рта, какая обычно бывает у параноиков, обхватив голову Олега сзади, он дважды всадил в его шею острый нож, перерезав ему сонную артерию, и мгновенно скрылся из виду. Все произошло мгновенно, и вдруг все увидели, как падает солдат, измазанный в крови. Наташа закричала: «Олег, что с тобой?» – и кинулась к нему. Но уже было поздно. Кровь била фонтаном из сонной артерии, которую перерезал нож скрывшегося молодчика. На место происшествия прибыла карета скорой помощи, а также сотрудники городской милиции. Задержали зачинщиков драки и его дружков, но не могли найти убийцу, нанесшего смертельный удар ножом. При очной ставке молодые люди сознались, что учинили драку, но вину в смерти солдата никто не взял на себя. Все они говорили, что, возможно, удар ножом нанес парень, известный в городе как Зоббулу. Таких инцидентов в городе происходило немало, но все они обычно заканчивались бескровно.

В начале 60-х годов в поселке ГРЭС объявился высокий и худой парень по имени Элмаддин, житель городка Кази-Магомед. Он обычно появлялся здесь в вечернее время и ухаживал за девушкой по имени Оля, среднего роста, с развитой грудью и красивым белым лицом, с которого смотрели большие голубые глаза. Мать Олю одну не отпускала и всякий раз, когда показывали фильм на первом этаже общежития энергетиков, она сидела рядом в зрительном зале. Но в тот вечер мать уехала на дежурство, и она с подругой пришла на вечерний сеанс, и Элмаддин, подойдя близко к девушке, стал оказывать ей знаки внимания.

– У меня есть парень, – тихо сказала она. – Он здесь и не любит, когда возле меня тусуются посторонние юноши.

– Ну и что? Меня зовут Элмаддин, которого боится весь Гаджигабул, – сказал он с особой торжественностью в голосе.

– Все равно, уходи подальше от греха.

Не прошло и двух минут, как из-за спины Элмаддина выросла фигура молодого человека атлетического телосложения. И, не говоря ни слова, ударом кулака он уложил Элмаддина на грязный пол молодежного кинотеатра. Это был нокаут. Очнувшись, Элмаддин поднялся, едва очухавшись от головокружения, но в этот момент его настиг второй удар, еще более мощный. Спортсмен снова послал его в нокаут, от которого бедняга долго не мог прийти в себя. Донжуана вывели на свежий воздух, где к нему подошел парень Оли и тихо сказал: «Элмаддин, отстань от моей девушки. У нас серьезные намерения и мы должны пожениться. Девушек много и тебе, может, достанется самая красивая и самая желанная женщина».

– Хорошо, Вахид, – сказал Элмаддин, – я этого не забуду и так не оставлю, – угрожающе заявил Элмаддин. – Ты опозорил меня на глазах всего Ширвана. Берегись!

Вахид был также родом из городка Кази-Магомед и не раз участвовал в разборках с алибайрамлинскими юношами. Его знали и опасались молодчики его родного города и Ширвана. Его отлично знал Элмаддин и всегда сторонился. Но на этот раз он и не предполагал, что этой девушкой увлекся его земляк, чемпион республики по боксу Вахид, занимавшийся в секции по боксу у самого знаменитого тренера Фрузика, работавшего машинистом блока ГРЭС им. Ильича. Его удары отличались точностью, он бил соперника два или три раза и добивался успеха в бою. Его поединки чаще заканчивались нокаутом и редко когда нокаутом.

Три-четыре дня Элмаддин не выходил на улицу, Вахид поставил ему два фонаря и он отлеживался дома, не отвечая на вопросы пожилой матери, которая после смерти мужа с трудом воспитала сына. У сына был свой криминальный круг, в котором он пользовался особым авторитетом.

С того события прошло более трех лет, и одним летним вечером Заур узнал, что Элмаддин убил Вахида выстрелом из пистолета, который он всегда носил при себе. Убийцу поймали после долгих розысков, арестовали в Баку, где он скрывался на квартире одной из своих любовниц. Тогда это было громкое дело, и его рассматривал Верховный суд по особо тяжким преступлениям, вынесший строгий вердикт – расстрел. Приговор привели в исполнение.

Заур был потрясен гибелью Вахида и никак не мог найти оправдания Элмаддину. И ему вспомнилась судьба Кербалаи-бека из кинофильма «Последний перевал». Как известно, в 30-е годы прошлого века преследуемый большевиками Кербалаи Исмаил, прежде чем перейти на другой берег Араза, пришел в дом своего кровного врага Усубоглу.

– Я не могу перевезти на другой берег и отдаю тебе беременную невесту как аманат.

Усубоглу в присутствии Кербалаи вызвал жену и сказал:

– Это невеста Кербалаи. Наша вражда остается, но невесту я тебе поручаю, и если с ее головы упадет хотя бы один волосок, я отрежу тебе голову.

Усубоглу передает Кербалаи своего сына в качестве заложника. И говорит:

– Когда вернешься, придешь с моим сыном и заберешь свою невесту в целостности и сохранности.

Когда Кербалаи возвращался из Ирана и при переправе через Араз попал под огонь, открытый советскими пограничниками, погиб сын его кровного врага. Вернувшись на родину, Кербалаи облачился в кефан, прибыл к воротам дома своего кровного врага и сказал:

– Возьми и убей меня, твой сын стал шехидом, и я не смог сохранить твой аманат.

Усубоглу в ответ говорит:

– Твоя невеста родила сына. Возьми обратно свой аманат, но при одном условии, назови своего внука именем моего сына.

Были вот такие традиции у настоящих мужчин, враждовавших друг с другом.

Этот пример я привел по одной причине, что лучшие качества характера наших мужчин, как обычаи и традиции, остались в прошлом. Сейчас редко кто говорит: «Мен олюм», «Сен оль», коварные удары враги наносят исподтишка. Большинство мужчин не работают и сидят на иждивении жены. Сын поднимает руку на отца, отец на сына, мать убивает сына-наркомана. Дочь не уживается со своими родителями и родителями мужа. К сожалению, нравы и наши добрые традиции сильно подверглись коррозии, а мы сами оказались под влиянием культуры Запада. Мы должны возродить лучшие традиции нашего народа и уходить от чуждого и вредного влияния на нашу молодежь.

Глава 3

Друг мой, Зорик

Детские годы, проведенные мною в городке, навсегда врезались в мою память, оставив неизгладимый след. Дом моей тети, где мы жили на квартире, выходил на железную дорогу, по которой проходили товарные вагоны, груженные камнем кубиком, песком и цементом. И местные жители глубокой ночью незаметно пользовались строительными материалами, снимали с вагонов камни, песок и цемент, чтобы построить себе дома. В таких случаях подкупали сторожа, а также милицию, нагрянувшую в их двор.

Я быстро подружился с мальчишками этого двора. Среди них особо выделялся мальчик, которого звали бетон Рамиз. Он был задиристый и всегда приставал к незнакомым сверстникам, демонстрируя свои слабые мускулы и «стальную» грудь. Через несколько дней после знакомства Рамиз решил наехать на Заура из-за пустяковой причины. И как только он поднял руку на Заура, на глазах у всех оказался на земле. Заур, ловко увернувшись от удара соперника, одним приемом повалил его на землю. От обиды у Рамиза на глазах появились слезы, ведь до этого его никто так легко побороть не мог. Но он во второй раз драться не полез, признав свое поражение.

Возле железнодорожного полотна уже во весь дух шла стройка одноэтажных домиков легкого типа. Один за другим построили 5–6 домиков, в которых разместили медсанчасть НПУ «Ширваннефть», два здания выделили под общежитие для нефтяников, одно здание – под нефтяной техникум.

Мы часто гуляли в этой части города и встречали ветерана войны, инвалида, оставшегося без ног, двигавшегося на коляске. Его звали Иван. Мы приносили ему пирожки, когда ничего не было, давали деньги, взрослые также ему помогали. Иван потерял обе ноги на войне, летал на военном истребителе, был сбит в неравном бою с фашистами, и при падении его парашют не раскрылся, так он потерял обе ноги. Он лишился не только обеих ног, но и возможности летать на самолете. Иван сильно пил и матерился, часами лежал пьяный, потом его забирали. Особенно о нем заботился начальник общежития Бабаш Байрамов. Мужчина среднего роста, тощий и всегда с папиросой «Казбек» в зубах. Как потом я узнал, он был отважным воином и был награжден орденом Ленина и золотой звездой Героя Советского Союза. Но в быту он был скромным человеком и не очень-то гордился высоким званием Героя Советского Союза.

Здесь, на улице Низами, Заур познакомился с тремя мальчишками, которые жили неподалеку от нас. Это были Ашраф, сын известного ахунда Мирзы Халила, и Балабек, сын Зияда, руководителя одного из предприятий. Третьего мальчика звали Зохраб, его отец работал мастером на железнодорожной станции Али-Байрамлы. Все трое учились в средней школе № 2, как и Заур, ходили в эту школу в азербайджанский сектор. Они были неразлучными друзьями. В то время Заур увлекался живописью, и у него хорошо получались акварельные работы, Зохраб тоже рисовал, Балабек старался рисовать и уже делал сложные рисунки из учебника. Однажды он показал Зауру свою работу, срисованную с картины И. Бродского «Расстрел 26 бакинских комиссаров». Голова Мешади Азизбекова у него получилась большая, а туловище маленькое. Заур подверг его критике за несоблюдение пропорций, он огрызнулся, сказав: «А ты сам попробуй нарисовать такую вот панораму». На это Заур ответил, что ему еще рано рисовать такие картины, какие рисовал Исаак Бродский.

В школе организовали выставку детских рисунков. Классный руководитель Заура Анна Николаевна Жомиринко, отобрав несколько акварельных работ, передала их организаторам выставки. Тогда Заур получил школьную грамоту за лучшую акварельную работу.

Заур и трое друзей часто были во дворе у Зохраба, у которого был хороший сад, там росли инжировые, персиковые деревья, а также виноград. Рядом с домом, построенным из саманного кирпича имелись еще три подсобных помещения, где семья Салмановых занималась выращиванием мокрых коконов. Заур не имел понятия о шелководстве, но своими глазами видел, как пожирает листья тутовый шелкопряд. Когда семья отмечала Гурбан байрам, тетушка Зейнаб, готовившая праздничное кушанье из свежего мяса годовалого барана, приглашала отведать кавурму, вкусно приготовленную ею и завернутую в свежеспеченный лаваш. Эти воспоминания далекого детства Заур описал в книге «Продовольственная безопасность. Азербайджанский хлеб», которая была издана в Санкт-Петербурге объемом в 640 страниц.

С Зохрабом и Гасаном Заур ходил на пленер делать акварельные этюды. Его друзья удивлялись тому, как он научился писать акварелью, придавая ей прозрачность и текучесть. А он всегда был в поисках, листал журналы с репродукциями русских и зарубежных классиков живописи, покупал книги по рисованию и живописи, изучал репродукции китайских живописцев. Часто Заур бывал в гостях у друга Ашрафа Мурадова. Его отец Ахунд Мирза Халил имел высшее духовное образование, которое получил в иракском городе Наджаф Ашрафе, официально числился главным ахундом Али-Байрамлы, проводил религиозные обряды, рассказывал прихожанам историю ислама и как погибли сыновья имама Али, эмира правоверных, в городской мечети, занимался целительством. Народная партия Ирана, или «Хезбе-Туде» является коммунистической партией, образовавшейся в 1941 г. Партия «Туде» помогала Мохаммаду Мосаддеку в деле национализации иранской нефти, но в 1953 году в результате переворота Мосаддек утратил власть, а партия «Туде» была запрещена, и многим ее членам пришлось иммигрировать или бежать в другие страны.

В первые годы после Иранской революции партия возобновила открытую деятельность. Но позднее вновь была запрещена, и многие другие ее члены эмигрировали. Мирза Халил участвовал в революционном движении и после краха народного правительства переселился в советский Азербайджан. Некоторое время жил в Астраханбазарском районе, нынешний Джалилабадский, откуда перебрался с семьей в Али-Байрамлы, где до конца жизни работал главным ахундом городской мечети.

Зауру было всегда приятно слушать рассказы этого мудрого аксакала на темы религии, истории, литературы, восточной философии. И много интересной информации он получил из уст этого мудрого человека в раннем детстве. И когда у него спрашивали, откуда все эти знания об исламе он почерпнул, Заур отвечал, что от ахунда Мирзы Халила.

В то время государство наше было атеистическим, газеты и журналы пестрели материалами, пропагандирующими атеизм, и обрушивались с критикой на служителей ислама. Однажды по всему городу прошли слухи о том, что ахунд Мирза Халил принимает коньяк и пьет его не из обычной рюмки, а из куриного яйца. Этот фельетон читали в горкоме партии, школах, учреждениях культуры. Но люди не верили ни единому слову журналиста, посягнувшего на честь и достоинство почтенного ахунда. Когда ажиотаж вокруг фельетона несколько поутих, у ахунда в мечети спросили, как все это было на самом деле?

– Ну разве я могу совершить такой недостойный для меня поступок, – сказал ахунд, – ведь я верую в Аллаха, а этот журналист безбожного правительства нагло очернил меня в глазах правоверных. Вы кому верите, ему или мне?

– Конечно, тебе, дорогой ахунд, – сказали прихожане мечети.

В этом провинциальном городке нашли приют и многие другие члены народной партии Ирана. Заур многих знал в лицо, и в день создания этой партии в городском Доме культуры обычно проводили торжественный вечер, был доклад, отдельные выступления и концерт местных мастеров. Иммигранты не выдвигались на должности в партийных советских органах города. Самая высокая должность была работа садовником в парке культуры и отдыха. Садовник был интеллигентный и образованный человек по имени Гулу. Но были и рядовые. Был

такой сапожник по имени Рза, несмотря на набожность, он много пил. Однажды милиционер подошел к нему пьяному и сказал: «Поднимайся и иди в вытрезвитель». Рза киши поднял на него глаза и сказал: «Зачем в вытрезвитель? Если бы я мог ходить, то пошел бы домой». У него было много детей, и все они выросли полноценными людьми, получили хорошее образование. Никто из них никогда не стыдился отца, потому что знали причину зависимости от алкоголя. Таких людей, как Рза киши, в городе было много.

Общение с ахундом Мирзой Халилом пошло на пользу Зауру, он почерпнул от него много знаний об исламе, хадисов о пророке, имамах и их врагах.

Заур работал журналистом и в один из дней уже независимого Азербайджана он встретился с Тариэлем Гасановым в Баку и взял у него интервью, которое озаглавил так: «Духовные ценности ислама». Заур задавал вопросы, Тариэль отвечал на них и не только по вопросам теологии ислама, но и по его очень сложной и трагической истории. Ислам и сегодня считается молодой, развивающейся религией, притягивающей к себе миллионы людей нашего огромного мира.

На странице Фейсбука Заур познакомился с высокообразованным человеком, известным ученым, философом, доктором наук Рафиком Алиевым и стал его другом на страничке Facebook. Осенью этого года на страничке Лазера Гасанова было опубликовано интервью сайта [дин.аз](#) с Рафиком Алиевым, из которого Заур узнал, что перед поездкой в Ирак, Тариэль Гасанов взял отпуск на свое содержание и полгода день и ночь работал над переводом Священного Корана. Готовую рукопись с переводом он передал своему другу Рафику Алиеву. Еще до начала реализации этого проекта была достигнута договоренность о том, что над книгой будут работать три известных арабиста: Тариэль Гасанов, Васим Мамедалиев и Зия Буниятов. Именно поэтому Тариэль почти круглосуточно работал над переводом священной книги. Потому что в основе этой священной книги должен был находиться перевод с арабского языка на азербайджанский. Лучше Тариэля никто не знал тонкости арабского языка. Передав рукопись Р. Алиеву, он в спешном порядке выехал в Ирак. А когда вернулся, узнал, что книгу издали за подписью только одного автора, Васима Мамедалиева с комментариями Зии Буниятова.

Когда Тариэль был в Ираке, против азербайджанских дипломатов и членов их семей был совершен теракт. О том, как это произошло, рассказал журналисту [1news.az](#) Ризвану Гусейнову Халыг Разев, экс-третий секретарь посольства СССР в Ираке[1]. Привожу текст с некоторыми сокращениями:

«Вместе с Тариэлем Гасановым мы столкнулись с большими трудностями в Ираке. Я с супругой и Т. Гасанов с дочерью Нихал жили по соседству в Багдаде. В конце июля 1992 года мы решили отметить день рождения моей супруги Ирады ханум, которая пошла домой к Нихал, в двух кварталах от нас, чтобы приготовить там праздничный стол.

Я чувствовал, что может произойти что-то неладное, и не хотел отпускать туда супругу, поскольку и я, и Тариэль были в это время на работе, но пришлось уступить ее желанию. Несколько позже я пришел в дом Тариэля, но никто не открыл мне дверь, хотя я много стучал. В смятении я несколько раз прошагал от дома Тариэля к своему дому и обратно, но не смог найти нигде ни свою супругу, ни дочь Тариэля. Через некоторое время пришел Тариэль, который должен был еще сопровождать гостей после переговоров, и поэтому он дал мне ключи от своей квартиры, я поднялся, открыл дверь, и моему взору предстала ужасная картина.

Жена Халыга Разева Ирада лежала с пулей в голове в прихожей, а дочь Тариэля в спальне на диване мертвая, тоже с пулей в голове.

– Началось расследование с участием спецслужб, военных и правоохранительных органов Ирака. Через несколько дней меня на встречу пригласил министр внутренних дел Ирака, который сказал мне, что убийство было совершено по заказу.

Армянин был приставлен со стороны советского посольства охранником в доме Тариэля. У него были ключи и свободный доступ в дом Тариэля. Глава МВД Ирака сказал, что

преступник арестован, но советская сторона оказывает сильное давление и требует выдать «своего человека». При этом представители посольства возмущаются, что «из-за каких-то азербайджанцев, которые уже отделились», создаются такие проблемы, и иракская сторона вмешивается в эти процессы.

Все эти данные и следственные материалы хранятся и в Азербайджане, но я не имею к ним доступа. В итоге, по словам главы МВД Ирака, этого армянина якобы украли и вывезли в СССР, и теперь его след потерян. Я заметил, что после всего этого за мной следят представители советского посольства, где меня к тому же стали избегать, прекрасно осознавая свою причастность к убийству.

Мы с Тарием должны были вывезти тела наших родных и похоронить их в Азербайджане, а также попросить помощи для расследования этого преступления. Фактически мы, азербайджанские дипломаты, стали первыми жертвами армянского теракта и заговора после независимости Азербайджана. По отношению к нам и Азербайджану было продемонстрировано открытое враждебное отношение, и мы имели право требовать обличения и наказания тех, кто убил наших родных. Ведь тем самым эти силы достигли своей цели – задержали ценой крови наших родных открытие посольства Азербайджана в Ираке.

Мы решили не лететь через Москву. В центральной прессе тогда пошла дезинформация, что тела погибших вывезены в Москву. На самом деле нам удалось на машинах переправиться до границы Ирака с Ираном, а тут уже иранские власти организовали специальный транспорт для перевозки тел и охрану, с которой мы доехали до Астары, до границы с Азербайджаном. Спасибо иранской стороне, она все сделала оперативно и без денег.

После того как похоронили своих родных, мы обратились к властям Азербайджана, в частности, к Исе Гамбару, который тогда имел влияние в руководстве. Мы объяснили, что являемся азербайджанскими дипломатами, права которых должно защищать государство. И. Гамбар сказал нам, что направит в Ирак сотрудников прокуратуры и КГБ Азербайджана для выяснения обстоятельств и расследования произошедшего.

По возвращении этой следственной группы из Ирака меня вызвали в КГБ, где сказали, что материалы следствия, фото и доказательства привезены в Азербайджан, однако до сих пор никакого ответа от Москвы якобы добиться не удалось. Так до сегодняшнего дня не наказаны виновники убийства членов семей азербайджанских дипломатов в Ираке.

Да, поныне не доведено до конца следствие, поскольку все следы тогда исчезли в распадающемся СССР, и тогдашние спецслужбы Азербайджана не посмели копать это дело. После всех этих событий я продолжил свою работу в МИД Азербайджана на должности начальника отдела Управления по связям с СНГ, где проработал до 1995 года.

Все эти волнения, трагические события в Ираке, плохо сказались на моем здоровье – у меня парализовало частично левую часть тела. Однако, несмотря на это, я написал четыре книги, посвященные арабскому устному фольклору, пословицам и их анализу. Затем по этой теме я выпустил 700-страничную книгу «Азербайджанские пословицы», точнее первый том, в котором приведено огромное количество арабских, азербайджанских пословиц и их анализ на трех языках: арабском, азербайджанском и русском. Первый том удалось издать благодаря спонсорству посольства Саудовской Аравии в Азербайджане, сейчас я ищу спонсора для издания второго тома и надеюсь, что кто-то проявит внимание и поддержку для выхода в свет этого фундаментального исследования. Отмечу, что экземпляры первого тома хранятся во многих известных библиотеках и личных фондах Азербайджана и зарубежья.

С того времени прошло более 26 лет, но эта трагедия не забывается в семьях династии Гасановых.

Строительный бум охватил провинциальный город, обретший статус города республиканского подчинения, многоэтажные жилые дома все дальше уходили в степь Ширвана. Для ускорения строительства жилых домов открыли СУ-75, а потом строительный трест. Лазер

Гасанов всю жизнь проработал строителем в родном городе. И можно сказать, что почти на каждом доме стоит его подпись как строителя. В романе я уже писал о династии Шиха Гюльбалы Алиева, семьи уважаемого мною Мёхсьюма Халилова. А теперь расскажу о семье Гасановых, которые сыграли немалую роль в развитии Ширвана, в истории азербайджанской дипломатии, а также в науке современной арабистики, в написании первого перевода Священного Корана.

Завершая эти странички, посвященные семье Гасановых, я продолжаю писать эту главу романа.

Шли годы, и Заур после восьми классов поступил на работу сначала строителем, а потом нефтяником, он с семьей переехал в Новый город, матери дали квартиру. Теперь у Заура была отдельная комната, где он пропадал часами, работая над живописными произведениями. Вахтенная работа оператора-замерщика в резервуарном парке позволяла ему в дни отдыха заниматься живописью и читать художественную литературу. Зохраб приезжал к нему в Новый город, и они часами бродили по улицам строящегося города. Как-то он рассказал Зауру, что влюбился в девушку по имени Света, которая жила в здании поселка энергетиков. Они несколько раз прошлись с другом около ее подъезда.

Приближались новогодние праздники, и Заур не знал, что надумали влюбленные. Но все стало ясно потом, когда тетушка Зейнаб вдруг оказалась у него на квартире и сказала, что ее внук пропал. Заур стал ее успокаивать, что с ним ничего не случится.

– Он недавно был у нас, – объяснял он ей. – Мы немного погуляли, и я проводил Зохраба домой. Он сел в автобус и уехал в старый город.

– Но его нет со вчерашнего дня, и я сообщила об этом в милицию, – сказала она.

– А может, он на ночь остался у кого-то из родственников?

– Нет, такого быть не может, – ответила тетушка Зейнаб.

Прошло два дня, и вдруг Зохраб появился у нас как ни в чем не бывало. Я набросился на него с вопросами, и он тогда мне предложил: «Давай погуляем, и я тебе все расскажу».

Мы вышли на широкую улицу, которая тянулась вдоль поселка энергетиков.

– В тот вечер, когда я сидел в автобусе и готов был вернуться домой, – начал свой рассказ мой друг, – мне очень захотелось пройтись возле подъезда Светы. Думал, что за 10 минут я пройду под ее окнами и попрощаюсь с нею, но произошло такое, о чем я никогда не думал. Она из окна помахала мне рукой и пригласила к себе домой. Я поднялся на второй этаж, где находилась их квартира. Дверь была приоткрыта, и я прошел в квартиру Светы. Все произошло неожиданно, она обняла мою голову, и я почувствовал на губах горячий и страстный девичий поцелуй. И это меня всего перевернуло, я почувствовал дрожь в ногах, а мое тело уже мне не подчинялось. Я всем телом почувствовал девичью грудь, которая магнитом меня притягивала. Придя в себя, я спросил:

– Где родители?

– Они уехали в гости на два дня в Баку. Как видишь я одна, и ты можешь побыть у меня два дня. Ты мой кавказский пленник. Я отдаю тебе по любви, ты мне сильно нравишься.

– И я тебя люблю, дорогая Света.

– Я тебя буду звать Зориком, не возражаешь?

– Нет, – сказал он и нежно взглянул на молодую подругу.

Я слушал рассказ о страстно влюбленной паре. И своим философским мышлением почувствовал, что детство наше прошло и наступила пора юности и любви. Новое имя, которым подруга назвала Зохраба, мне самому понравилось, и я стал звать друга Зориком. Ведь это имя символизирует рассвет утра, утренней зори. Летом мой друг поступил в АПИРЯЛ им. М. Ф. Ахундова. Света училась в 11 классе, он приезжал к ней, и они продолжали встречаться. У Зорика были серьезные намерения жениться на Свете, но между ними произошло что-то непоправимое, и они сильно поссорились. А весной она уже встречалась с другим парнем.

Зорик пришел ко мне, когда я уже переехал в старый город и жил в новом доме, построенном на мои деньги и средства родителей. Мы как два друга вышли на проспект Октября и прошли до здания городского финансового банка, где Зорик встретил Свету и ее нового друга. Тут чуть было не состоялась разборка. Света открытым текстом сказала следующее: «Раньше любила, а теперь мне нравится этот парень. Забудь меня, умоляю тебя». Говоря эти слова, она заплакала, Заур почувствовал, что девушка не кривит душой, а говорит правду. Она старалась и хотела его забыть навсегда. Это были трогательные минуты финала сильной и чуткой любви Зорика и Светы. Их пути разошлись со скандалом и взаимными обвинениями. И больше никогда не пересекались. Любовь школьников всегда остается в памяти, эти чувства, искренне возникшие в ходе дружбы, затем перерастают в большое чувство, которое проверяется временем. Оно тонкое и хрупкое, как стекло, готовое расколоться и разбиться на мелкие кусочки из-за бытовых сплетен, черного пиара на одного из влюбленных. Заур потерял Зорика в августе 1979 года, а со Светой, с которой учился в одном классе, он больше никогда не встречался.

Друзья вернулись, и Заур долго успокаивал Зорика. Но он был настолько влюблен, что и слышать не хотел о том, что Света изменила ему с парнем, который был ниже его ростом и не так красиво выглядел, как Зорик. Похоже, он впервые почувствовал женское коварство и удары любви. Но в молодости душевные раны быстро затягиваются, и новые знакомства и встречи помогают забыть прошлое.

Годом позже Заур тоже поступил в тот же институт, и они вместе учились и даже жили в одном общежитии. На последнем курсе пединститута Заур встретил девушку своей мечты, и они, поженившись, приехали в Али-Байрамлы.

Зорик служил в армии, а после возвращения он тоже женился на студентке педучилища, с которой жил в доме, который он сам себе построил, а спустя некоторое время ему выдали трехкомнатную квартиру в поселке энергетиков около школы № 9.

В то время на молодые кадры всегда имелся большой спрос. Заура забрали в редакцию городской газеты «Маяк», жена работала заместителем директора по воспитательной части, жили они с семьей на первом этаже в двухкомнатной квартире поселка, построенного для работников маслоэкстракционного завода. Эту квартиру Зауру отдал в аренду архитектор горисполкома Каторжин Федор, а сам переселился к бабке, у которой умер муж. В поселке жили армяне, в основном из Карабаха. Его соседом был Алеша Арзуманян, родом из села Гарабулаг, НКАО, а его брат Георгий учился с Зауром в одном классе, и они были дружны. Георгий уехал в Россию и жил в Волгограде. Вообще-то Зауру повезло с соседом. Алеша работал плотником и зарабатывал неплохие деньги. В месяц у него выходило по две и более тысяч рублей, иногда по праздникам он приглашал Заура в гости. И он его приглашал в гости, жили дружно, уважали друг друга. По соседству жил другой армянин, такой же плотник, по имени Шаген. Это был армянин другого характера, он тоже получал такие же деньги и всегда показывал свое превосходство над Зауром. Как-то он возвращался из вечерней школы и заскочил в магазин Салеха, чтобы купить детям что-нибудь на вечер. И здесь он повстречал Шагена Григоряна, у которого было хорошее настроение.

– Вот ты учитель, это что за профессия? – спросил он Заура.

– Если ты знаешь, что я учитель, зачем тогда спрашивать? – задал вопрос и Заур.

– Ну разве это профессия? – не отставал Шаген. – С утра до вечера вкалываешь с ребятами, а в конце месяца гроши.

– Я на свою профессию не жалуясь. Учился хорошо, профессиональный учитель. А что касается оклада, то со временем буду получать больше, – подчеркнул Заур.

– Вот я покупаю детям шоколадные конфеты, а ты карамель. Я понимаю тебя, зарплата не позволяет. А я могу себе позволить. У меня много денег, а у тебя копейки, а это значит, что твоя профессия никуда не годится.

Заур и его сосед плотник продолжили беседу в дороге. И он Зауру поведал, что состоит в одной организации, которой оказывает материальную помощь. А что это за организация, он ему так и не сказал. Но Заур своим шестым чувством понял, весь этот разговор он вел, чтобы поделиться с ним, чтобы сбросить с себя груз обета молчания и секретности. Да к тому же ему порядком надоело вносить ежемесячные взносы в эту сомнительную организацию. Но ему пригрозили: «Если не будешь платить, уьем».

– А ты никому помощь не оказываешь, потому что получаешь мало. Вот в чем разница между моей и твоей профессией, – сказал Шаген и стал подниматься на второй этаж, к себе в квартиру двухэтажного дома.

Тогда Заур особо не придавал значения его словам. Но на следующий день между ними получился совсем другой разговор.

– Ты зачем здесь живешь, собирайся и уезжай. Азербайджан – это не твоя родина и не твоя земля.

– К чему такие разговоры Шаген? – спокойно отреагировал Заур. – Ты карабахский армянин, я местный житель, азербайджанец, живу в родной республике, тебе не мешаю. А ты меня гонишь и требуешь, чтобы я покинул родную землю.

– Ты знаешь, учитель, историю Азербайджана написали неправильно. Ты когда-нибудь слышал про Великую Армению?

– Нет, мы такого ни в школе, ни в институте не проходили. Но читал легенду о Давиде Сасунском.

– Значит, у Азербайджана нет истории, но скоро узнаешь.

Слова Шагена сильно заделали его, и Заур стал искать ответы на эти вопросы. Неужели у нашей страны была другая история, мы этого не знали? Он успокоился после того, как узнал, кто такие армяне и почему их называют хаями. Прочитал много литературы про армянские фальсификации о Великой Армении, читал письмо Петра I об армянах и их защите в российском государстве. Но позже судьба его свела с Нагорным Карабахом. А произошло это следующим образом.

В 70-е годы старший сын Заура болел бронхитом с астматическим компонентом. Он возил его на отдых в Евпаторию, в детскую здравницу, что в Крыму, а через год с семьей поехали в Шушу. И на автобусной остановке вокзала Истису их встретила русскоязычная армянка, предложив комнату по выгодной цене. Они наняли такси и поднялись к ее дому, находившемуся выше автовокзала. Это был дом старинной постройки, толщина стен достигала двух метров. Хозяйка познакомила с мужем, сыном и дочерью. Заур с семьей отдохнули с дороги, выпили чай, который подала хозяйка. Женщины говорили в комнате, а Заур, взяв свой этюдник, вышел за ограду дома. Перед ним открывался прекрасный вид со старой заброшенной церковью. Потом Заур узнал, что это был некогда величественный собор Святого Христа Всеспасителя (Казанче). И Заур, не раздумывая раскрыв этюдник с акварельными красками, начал писать карабахский пейзаж с церковью. Позже, когда они освоились на новом месте, Заур спустился вниз, чтобы осмотреть здание церкви, находившейся в полуразрушенном состоянии, по оставшимся следам можно было заключить, что здесь шли жаркие бои в начале XX века. В атеистическом государстве нет места религии, и по этой причине мечети, церкви и синагоги были лишены внимания партийных советских органов. Все они находились в заброшенном состоянии и использовались не по назначению.

Хозяйку звали Шахханум, это была женщина невысокого роста, с умными глазами, любила общаться с людьми. Она имела высшее образование и работала учительницей русского языка и литературы, жаловалась, что ей не дают почетного звания «Заслуженный учитель». По договоренности с хозяйкой Заур решил дать угощение в честь их прибытия на отдых в Шушу.

В воскресный день утром на колхозном рынке, что около мечети, Заур купил три килограмма мяса годовалого ягненка, овощи зелень и ягоды. Шахханум взялась за приготовление шашлыка, который лучше ее никто в Шуше жарить не мог.

В тот памятный вечер во дворе хозяев мы сели за круглый стол, который Шахханум украсила продуктами, выращенными на карабахской земле. Посередине стола на огромном блюде дымились сочные шашлыки с помидорами и баклажанами.

Когда все заняли свои места, Шахханум встала и произнесла коронный тост: «За дружбу, за счастливую жизнь». И все, независимо от возраста, в один голос прокричали: «Ура!»

В тот вечер Заур с семьей провели очень хороший летний вечер за ужином. Им очень понравилось у Шахханум. Через неделю к нам присоединилась еще одна семья из Агдамского района. Нового знакомого звали Севиндик, они семейно вышли на Джыдыр дюзу, где армянин Григорьян сделал снимки на память. В знак первого знакомства Севиндик пригласил Заура с семьей на кебаб в местечко, называемое Чыраг булагы.

Вечером проехали на машине и, углубившись в лес, поднялись к местечку, где были установлены светильники, а неподалеку стоял мангал и работники общепита. Гости сели за длинный стол, на который сначала принесли чурек и лаваш, фатир, а потом овощи, прохладительные напитки, вино, водку и шампанское. Севиндик работал заместителем директора профтехучилища, и для роста его карьеры не было никаких препятствий. Заур с семьей хорошо отдохнул в Шуше и вернулся в Ширван.

Из беседы с Шахханум Заур узнал, что ее муж является сыном того самого кровожадного дашнака Лалояна, который вырезал тысячи мирных азербайджанцев в далеком марте 1918 года, когда был совершен геноцид против азербайджанского народа. Потомок Лалояна был невысокого роста тощий армянин, говоривший только на родном языке, он был скрытный и уходил от общения с людьми. Вся семья была покрыта тайнами, о которых никто не знал и не догадывался. Это был своего рода бирюк в овечьей шкуре. Заур тоже старался не заводить с ним разговор, а вот сын его, Сергей, наоборот, был контактным парнем. И он общался каждое утро с семьей Заура.

Летом 1979 года к Зауру в гости пришел его друг, Зорик. На то время у него родились один за другим три сына, с перерывами. Друзья были одни, и он рассказал Зауру об отпуске, проведенном в доме отдыха Владикавказа.

– У меня все было нормально, – рассказывал Зорик. – Но при обследовании кардиолог сказал, что у меня стало развиваться сердечнососудистое заболевание. К тому же горный климат Владикавказа отрицательно повлиял на мое здоровье, и я срочно вернулся домой.

– Тебе нужно срочно лечиться, – посоветовал ему Заур. – Поезжай в Баку, ложись в кардиологический центр. Может, это тебе поможет.

– У меня нет денег, чтобы вести такое лечение, – признался он другу.

Заур хорошо знал, что Зорик с рождения страдал пороком сердца, им также страдал его младший брат Хаким. Этой болезнью страдала также их мать Тюказбан ханум. Оба брата ушли из жизни один за другим. Такова карма этой семьи, о чем Заура предупреждали мать и отец. Он и слушать не хотел об этом, потому что дружбу может разрушить только смерть одного из друзей.

Заур проводил друга, и думы о нем продолжали его волновать. Заур выходил на работу и писал статьи, и ему неожиданно на работу поступила информация о кончине Зорика. Он умер в полдень в ресторане железнодорожного вокзала, где обедал с учителем Сабиром Гезаловым. Инфаркт оказался сильнейшим и последним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.